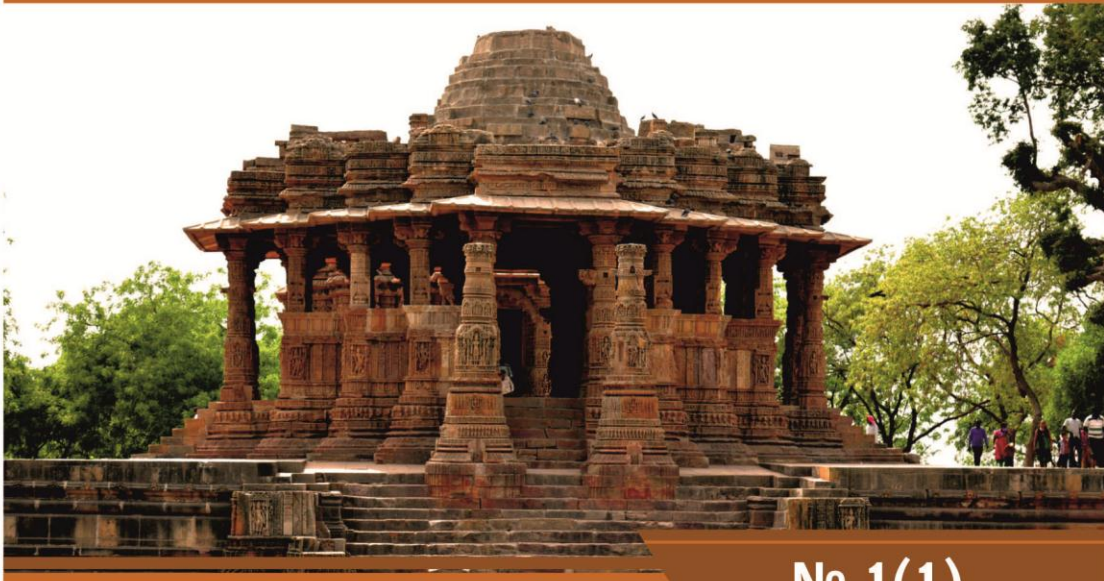

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 1(1)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2016

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам I международной заочной
научно-практической конференции*

№ 1 (1)
Ноябрь 2016 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2016

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам I междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 1 (1). – М.: Изд. «МЦНО», 2016. – 104 с.

ISBN 978-5-00021-086-4

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ISBN 978-5-00021-086-4

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2016

Оглавление

Раздел 1. Искусствоведение	6
1.1. Изобразительное и декоративноприкладное искусство и архитектура	6
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АРМЯНСКОЙ ВЫШИВКИ Чурсина Эльвира Сазитовна Торосян Мариам Арамовна	6
1.2. Музыкальное искусство	11
ИСКУССТВО ИМПРОВИЗАЦИИ МАРИИ МАЛИБРАН Решетникова Светлана Владимировна	11
Раздел 2. Культурология	15
2.1. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	15
ТЁМНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕСТ ПАМЯТИ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ Громова Алина Ивановна Черепан Надежда Сергеевна	15
2.2. Теория и история культуры	26
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА Пучковская Антонина Алексеевна	26
Раздел 3. Литературоведение	33
3.1. Журналистика	33
СПЕЦИФИКА ЖАНРА ОЧЕРКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.Д. КРЮКОВА Смирнова Евгения Александровна	33

**3.2. Литература народов стран зарубежья
(с указанием конкретной литературы) 38**

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
СКАЗКИ НОВАЛИСА «ГИАЦИНТ И РОЗОЧКА» 38

Скляр Наталья Владимировна
Безверхая Инна Викторовна

ТРЕТИЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ МССР
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ 60-Х ГОДОВ 43

Ченуша Феличия Евгеньевна

РАССУЖДЕНИЯ В ЖАНРЕ ЭССЕ
И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
СЕРАФИМА САКА 48

Ченуша Феличия Евгеньевна

3.3. Русская литература 53

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО
«СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА» 53

Данилова Елена Гарриевна

Раздел 4. Языкознание 59

4.1. Германские языки 59

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДРЕВНИЕ
ШЛЯПКИ» В БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ 59

Бекрешева Лариса Алексеевна

СТРУКТУРНО – СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ «ОБЩЕГО» И «СПЕЦИАЛЬНОГО» 66

СЛЕНГА БЫТУЮЩИХ В МАКРОСИСТЕМЕ
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Гамов Антон Николаевич

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА КАК
ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ) 76

Смотрицкая Екатерина Дмитриевна

4.2. Русский язык	81
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА СУДЬБА И ЕГО СИНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ А.С. ПУШКИНА Гурьянова–Гречко Юлия Александровна	81
КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КОЛЕБАНИЯ Долженкова Алена Игоревна	94
ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Соловьева Ольга Николаевна	98

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНОПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АРМЯНСКОЙ ВЫШИВКИ

Чурсина Эльвира Сазитовна

*канд. пед. наук, старший преподаватель,
Сургутский Государственный Педагогический Университет,
РФ, г. Сургут*

Торосян Мариам Арамовна

*студент, Сургутский Государственный Педагогический Университет,
РФ, г. Сургут*

THE MAIN FEATURES OF ARMENIAN EMBROIDERY

Elvira Chursina

*Ph.D., senior lecturer of the Surgut State Pedagogical University,
Russia, Surgut*

Torosyan Mariam

*student, Surgut State Pedagogical University,
Russia, Surgut*

Аннотация. В наше время люди часто утрачивают традиции своего народа и культуры. В данной статье рассматриваются

особенности традиционной армянской вышивки, передающейся из поколения в поколение.

Abstract. Nowadays people often lose the traditions of its people and culture. This article discusses the features of traditional Armenian embroidery, transmitted from generation to generation.

Ключевые слова: Армения; вышивка; рукоделие; традиции; орнамент; цвет.

Keywords: Armenia; embroidery; needlework; tradition; ornament; color.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей традиционной армянской вышивки, передающейся из поколения в поколение.

Армянская вышивка — один из древнейших видов рукоделия, в котором сохранилось мышление народа начиная от дохристианской эпохи до нашего времени, основанное на традициях христианства. Одна из вышивальщиц старых школ до сих пор хранит образцы спасенных со времен геноцида вышивок. Это урфинские и марашские вышивки. Ей удалось спасти семьдесят три неповторимые вышивки и более двухсот тридцати схем вышивок. В настоящее время образцы хранятся в Национальной галерее Армении[1].

Необходимо отметить, что в Армении вышивка - одно из самых распространенных ремесел. Вышивка отражает характерные черты, свойственные разным регионам Армении. Во второй половине XIX века школы вышивки: Киликии, Малого Айка, Ширак-Джавахк, Ван-Васпураканская, Арарата, Сюник-Арцах, Высокого Айка. Каждая школа имела свои отличительные черты в технике, цветовых оттенках, орнаментике. Армянская вышивка отличается богатством технических средств, мастерством и тонкостью вышивки, со стилизованными растительными и геометрическими мотивами, полихромными орнаментами. Многие вышивки получили свое название от городов и регионов: Мараша, Айнтапа, Вана и другие. Рассмотрим более подробно традиционные урфинские и марашские вышивки.

Вышивка Урфы конца XIX века – начала XX веков отражает эстетические вкусы многих поколений. Урфа (Эдесса) – это древний город, основанный армянами еще до нашей эры, который был эпицентром вышивки в Великой Армении. Эта вышивка сочетает в себе растительные, геометрические, животные и архитектурные мотивы. Но главным в этой вышивке является растительный орнамент, выявляя связь человека с природой и преклонение перед нею.

Роскошная флора Урфы – незабудка, колокольчик, гранат, ежевика, шиповник, роза, ромашка и мак, которыми украшаются одежда и предметы быта, обретают в вышивке новую жизнь, благодаря умелым вышивальщицам, которые сочетают условное с реальным [2].

Вышивка Мараш, или по-другому Мальтийская вышивка, получила свое название в средние века, когда пришла на остров Мальта, но появилась и активно развивалась в Армении. Данная армянская вышивка имеет несколько названий: «Переплетенная», «Мараш» и «Мальтийская вышивка». Мотивы перечерчиваются на ткань с подлинника специально предназначенным карандашом. Затем начинается сам процесс вышивки. Выполняется первый ряд, затем второй ряд стежков «Косичка». На этом этапе необходимо точно проследить, чтобы концы стежков были либо под, либо над другим стежком. Далее оплетаются верхние и нижние сетки, завершая узор. При желании можно сделать еще несколько рядов, проведя рабочую нить между тканью и нитками сетки. Вышивка получается рельефная и приятная на ощупь. Эту технику можно развить и получить более сложный узор «Мальтийский крест» [4].

Изучая образцы традиционных вышивок, можно отметить, что характерной чертой данных вышивок являются растительные, зооморфные и геометрические узоры, стилизованность орнамента и реалистические сюжеты. Эти вышивки пленяют изяществом рисунка, архаичностью символов и отточенностью своей композиции.

Вышивка гладью и крестиком были самыми распространенными в Армении, но традиционное искусство плетения иглой особо выделяется. При помощи этой техники исполнялись искусные кружевные цветы для налобников национального женского наряда, салфетки, скатерти и много других изделий. Рассматривая мотивы, цветовые решения, переплеты нитей, можно найти сходство с мотивами кружевной резьбы камнерезов, армянских миниатюристов.

В целом, рассматривая и изучая национальный орнамент Армении, можно его разделить на 3 группы: растительный, геометрический и зооморфный. Остановимся более подробно на этих группах орнамента.

Для сюжета растительного орнамента характерны различные виды деревьев, стеблей, ветвей и листьев. Символом бесконечной жизни в данном орнаменте является волнистая линия с лепестками и ростками, которой украшаются края одежды. Замысловатым орнаментом отличаются мужские и женские куртки и безрукавки западных армян. Цветы являются символом юности, вечной молодости

и непорочности. По поверьям миндалевидный орнамент, который встречался на передниках, был символом плодородия и защиты от зла.

Зооморфный орнамент использовался на одежде редко, так как он очень стилизован, с характерным акцентом внешних признаков животного. Самым распространенным мотивом являются «рожки» - стилизованный орнамент, состоящий из рогов быка, коровы или овна. Используется на женских передниках и других элементах костюма. Орнамент символизирует плодородие, обилие и благополучие. На тканых орнаментах наиболее распространенным является закодированная змея, в S-форме, для женской одежды.

Геометрический орнамент особенно свойственен Западной Армении. Им украшают женскую и мужскую одежду. Геометрический орнамент имеет большую смысловую нагрузку, чем другие орнаменты. Одним из самых часто встречающихся орнаментов является круг. Распространен также квадрат, который означает пространство, а четыре угла имеют значение четырех стихий, сторон света, времен года. Треугольник имеет двоякое значение. Женский символ, треугольник, изображен вершиной вниз, а мужской символ изображался вершиной вверх. Ромб символизирует плодородие как объединение двух начал.

Порой вместо орнамента можно встретить надписи, вышитые или же вытканые, которые наряду с орнаментом считываются в виде знаков благопожелания. Утратив свой сакральный магический смысл, орнамент сохранился в народной одежде до начала двадцатого века. В современном мире традиционные орнаменты часто стилизуются и широко применяются в декоративно – прикладном искусстве.[3]

Стилизованный орнамент широко использовался в ковроткачестве Армении. Орнамент армянских ковров был очень разнообразен. Орнаментальными мотивами для армянских ковров служили стилизованные изображения людей, животных и растений. В некоторых работах главное место занимал орел, а также крест. Характерной чертой являлись яркие краски, узоры и загадочные символы ковров.

В завершение можно отметить, что каждая точка и цвет в армянской вышивке имеет свое значение и ничего просто так не делается. Можно отметить преданность своим традициям, которые передаются из поколения в поколение. Спустя века традиции сохранились и активно развиваются, несмотря на частичную утрату семантики образов. Таинственные знаки, подтекст в каждом символе и вдохновляющие цветовые соотношения подчеркивают основные черты армянской вышивки, делают ее узнаваемой среди тысячи других.

Список литературы:

1. Варданян Л.М, Саркисян Г.Г, Армяне / Отв. ред. Тер-Саркисян А.Е. Армяне / — Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. — М.: Наука, 2012. С. 247-274. 648 с. 600 экз. ISBN 978-5-02-037563-5.
2. Вышивка Урфы // [Электронный ресурс]–Режим доступа - URL: <https://www.armmuseum.ru/articles-blog/2016-06-21-1> (дата обращения 15.11.2016)
3. Особенности армянской вышивки // [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <http://barev.today/news/vishivka> (дата обращения 20.11.2016)
4. Армянская (мальтийская) вышивка Марах // [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.liveinternet.ru/tags> (дата обращения 18.11.2016)
5. Народная вышивка Армении // [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.vishivayu.ru/u17.html> (дата обращения 17.11.2016)

1.2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ИСКУССТВО ИМПРОВИЗАЦИИ МАРИИ МАЛИБРАН

Решетникова Светлана Владимировна
преподаватель вокала, Музыкальная школа № 13,
РФ, г. Казань

THE ART OF IMPROVISATION MARIA MALIBRAN

Svetlana Reshetnikova
the vocal teacher, Music school № 13,
Russia, Kazan

Аннотация. В данной статье частично освещена исполнительская деятельность примадонны начала XIX века – Марии Малибран, дочери знаменитого тенора и вокального педагога Мануэля дель Популо Висенте Гарсиа. Рассмотрена ее способность расцвечивать вокальные партии сложнейшей орнаментикой. Она являлась одной из ведущих исполнительниц партий контральто en travesty, вытесняя кастратов с главных ролей. Творчество Малибран оказало влияние на развитие вокального искусства, ввиду того, что для нее создавались главные партии в операх французских и итальянских композиторов.

Abstract. This article partially illuminates a career of the prima Donna early nineteenth century – Maria Malibran, daughter of the famous tenor and vocal teacher Manuel del Pópulo Vicente García. Maria was a great improviser. She was one of the leading performers of the parties contralto en travesty, displacing the castrati out of the main roles. Maria Malibran also influenced on a lot of roles in operas by French and Italian composers.

Ключевые слова: контральто en travesty; опера; эпоха романтизма; кастрат; вокальные украшения; импровизации; каденции.

Keywords: contralto en travesty; opera; Romanticism epoch; castrato; vocal embellishments; improvisation; cadenza.

Творчество Марии Малибран (1808-1836) по сей день остается загадкой и волнует современников. Неоднократно были предприняты попытки возродить ее манеру пения. Исполнялись произведения из репертуара примадонны и используемые ею вокальные украшения и каденции. Оперная дива Мерилин Хорн использовала в арии Розины вариант каденций Малибран [8]. Чечилия Бартоли исполняла в концертах (2007-2009 гг.) произведения из ее репертуара, в частности испанскую песню *Yo que soy contrabandista* («Я – контрабандист») из комической оперы *El poeta calculista* («Расчетливый поэт»), отрывок из оперы *La figlia dell' Aria* («Дочь воздуха») М. Гарсиа и другие («Мария» Decca, 2006 г.).

Итальянские и французские композиторы эпохи романтизма создавали для нее оперные роли, рассчитывая на уникальные певческие возможности. Голос Малибран имел обширный диапазон от контральтовых нот благородного окраса в нижнем регистре до высоких нот, характерных лирико-колоратурному сопрано. В ходе исследования было выявлено, что примадонна могла исполнять теноровые (Отелло «Отелло» Россини), контральтовые (Арзаче «Семирамида» и Танкред «Танкред» Россини) и высокие сопрановые партии (Адина «Любовный напиток» Доницетти, Аделия «Дочь стрелка» Кочча). Ее голосу была присуща легкость и гибкость, ровность и красота тембра, независимо от регистровых переходов. Однако изначально голос не был столь совершенным, он соответствовал диапазону и тембру современного меццо-сопрано, были слышны вокальные недостатки, неравномерная окраска тембра в середине диапазона. Для достижения однородности звучания и гибкости голоса Малибран вынуждена была тренировать его с помощью вокальных упражнений, написанных по методу отца Мануэля Гарсиа. В результате чего, диапазон постепенно расширился и достиг трех октав, голос приобрел чрезвычайную красоту. Автор книги «Великие певицы» Джордж Феррис отмечает: «...ее высокие ноты имели неопиcуемый искрящийся блеск, а низкие ноты были настолько мягкими, сладкими...» [6]. К расцвету певческой карьеры, диапазон ее голоса уже был более трех октав и простирался от *d* до *e'''* [7; 9, p. 338].

Обратимся к истории вокального искусства начала XIX века. Именно в то время пение кастратов становилось не актуальным и композиторы начинали создавать значимые мужские роли для других голосов [1; 5]. Как известно, последняя роль была создана для кастрата Джованни Баттиста Веллутти в опере «Аврелиан в Пальмире» Россини в 1813 году. После этого произошел перелом в оперном искусстве и на

замену кастратам пришли тенора и контральто en travesty для исполнения высоких мужских партий.

Певцы и вокальные педагоги той эпохи понимали, что необходимо добиваться не меньшего технического совершенства в исполнительстве и овладевать искусством импровизации, чтобы заменить кастратов, так как произведения композиторов начала XIX века были насыщены колоратурными изысками [3]. Примером могут являться оперные партии Дж. Россини и Г. Доницетти. Овладение искусством импровизации и безупречное владение вокальной техникой были одной из важнейших составляющих и в школе Гарсиа. Мануэль Гарсиа сам был великолепным импровизатором и того же умения требовал от своих учеников (Адольфа Нури, Марии Малибран, Генриетты Мерик-Лаланд) [9].

Даже в начале певческой карьеры его дочь и ученица Мария Малибран могла продемонстрировать превосходное владение техникой и свободу импровизации. Примером может являться исполнение дуэта из оперы Николы Дзингарелли «Ромео и Джульетта» («Romeo e Giulietta») на одном из концертов с Веллуги. Кастрат задумал удивить юную исполнительницу своими замысловатыми пассажами, но Мария, не растерявшись, исполнила вслед за ним сложные вариации и закончила своей более изящной каденцией. Зрители были в восторге от исполнительницы, а Веллуги с ненавистью прошипел ей на ухо: «Viccsona!», что означало: «Подлая!» [7, p. 66 ; 3].

Джордж Феррис убеждает нас в том, что Малибран владела в совершенстве искусством импровизации: «каденции были настолько уникальны и оригинальны в своем исполнении, что другим певицам, отчаявшись повторить нечто подобное, оставалось только подражать ей» [6, p. 21]. Автор книги «Вокальные воззрения семьи Гарсиа» Константин Плужников приводит пример каденций, исполняемых Марией Малибран (Рис. 1) [2 с. 56].

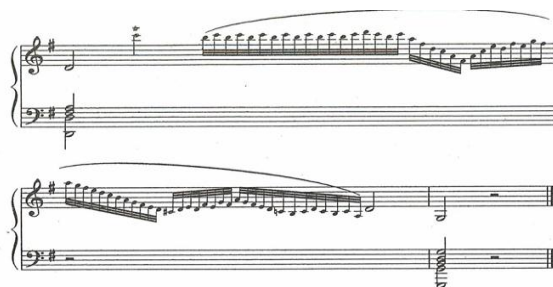

Рисунок 1.

О способности импровизации Марии Малибран упоминала российский исследователь А. Хоффманн, отмечая, что в отличие от каденций Беллини, импровизации Малибран охватывают более обширный диапазон. Исполнительница «мыслит цельными музыкальными построениями», не нарушая стилистики произведения, орнамента Малибран, также как у Беллини вплетена в вокальную партию, нередко исполнительница использует «прием неточного секвенцирования» [4, с. 123].

Становиться очевидным, что импровизаторские способности Малибран сыграли немаловажную роль в становлении контральтового амплуа. Ее искусство являлось примером для многих исполнительниц данных партий. Благодаря появлению виртуозных исполнителей теноров и контральто в начале XIX века, они навсегда вытесняют кастратов с главных мужских ролей.

Список литературы:

1. Барбье П. История кастратов / Пер. с фр. Е. Рабинович // СПб: Издательский дом Ивана Лимбаха. Серия: Studia Europaea. 2006 [Электронный ресурс] // http://www.nnre.ru/istorija/istorija_kastratov/p1.php (дата обращения: 09.11.2016)
2. Плужников К. Вокальные воззрения семьи Гарсиа. С – Пб, «Композитор», 2006, 103 с.
3. Решетникова С.В. «Феномен творчества Марии Малибран – примадонны династии Гарсиа», // Журнал Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 128-132
4. Хоффманн А.Е. Феномен бельканто первой половины XIX века: композиторское творчество, исполнительское искусство и вокальная педагогика: Дисс. канд. иск. М., 2008. - 225 с.
5. Цодоков Е. Тенор. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.operanews.ru/dic-tenor.html> (дата обращения: 09.11.2016)
6. Ferris, G. Great Singers, Second Series Malibran To Titiens. New York: Appleton and Company, 1881. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/greatsingers00unkngoog> (дата обращения: 09.11.2016)
7. María de las Mercedes Santa Cruz y Montalvo Merlin. Memoirs and Letters of Madame Malibran. With Notice of the Progress of Musical Drama in England. Philadelphia: Carey and Hart, 1840. Vol. 1. 240 p.
8. Marilyn Horne - Una voce poco fa (Maria Malibran's ornaments) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.songaz.com/music-marilyn-horne-una-voce-poco-fa-maria-malibrans-ornaments-1192542.html> (дата обращения: 09.11.2016)
9. Radomski J. Manuel Garcia (1775-1832): Maestro del bel canto y compositor. Madrid: Instituto Complutense de ciencias musicales, 2003. 361 p.
10. Steane J. Maria - Cecilia Bartoli | gramophone.co.uk [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gramophone.co.uk/review/maria-cecilia-bartoli> (дата обращения: 16.11.2016)

РАЗДЕЛ 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ТЁМНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕСТ ПАМЯТИ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Громова Алина Ивановна

*бакалавр туризма и рекреации,
Европейский гуманитарный университет,
Литва, Вильнюс*

Черепан Надежда Сергеевна

*аспирант, лектор, Департамент истории,
Европейский гуманитарный университет,
Литва, Вильнюс*

DARK TOURISM AS A FORM OF REPRESENTATION OF CONCENTRATION CAMPS MEMORY PLACES ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Alina Hromava

*BA “Cultural heritage and tourism”, European Humanities University,
Lithuania, Vilnius*

Nadzeya Charapan

*PhD Candidate, lecturer of History department,
European Humanities University,
Lithuania, Vilnius*

Аннотация. Статья посвящена анализу практик использования мест памяти концентрационных лагерей в туристско-экскурсионном показе в Республике Беларусь и разработке рекомендаций по развитию тёмного туризма как наиболее оптимальной формы по репрезентации данного вида памятников истории.

Abstract: The paper is devoted to a review of concentration camps memory places representation for tourism practices in Belarus. Based on the results of the analysis, the authors suggest a dark tourism approach as the most relevant tool for representation of concentration camps memory places.

Ключевые слова: тёмный туризм; места памяти; концентрационный лагерь; Республика Беларусь.

Keywords: dark tourism; memory places; concentration camp; Republic of Belarus.

Сегодня, наряду с традиционными видами туризма, широкое распространение приобретает тёмный туризм. С момента возникновения и становления массового туризма, динамика потребностей туристов значительно трансформировалась. В эпоху постмодерна на первый план выходят альтернативные формы организации досуга, направленные на формирование уникального опыта и впечатлений. К ним относится и тёмный туризм - понятие, объединяющее поездки по местам, исторически связанным со значимыми трагическими событиями. Тёмный туризм отличается неоднородной имманентной структурой, которая представлена большим количеством объектов разной физической природы. В международной туристской практике особым спросом среди объектов тёмного туризма пользуются места памяти концентрационных лагерей. Так, например, мемориальный комплекс «Дахау» ежегодно посещают более 800 000 туристов[25].

Наибольший интерес феномен тёмного туризма приобрёл в зарубежной научной среде во второй половине 1990-х гг. В 2005 г. в Великобритании был основан Институт по изучению тёмного туризма. В отечественной науке исследования по тёмному туризму отсутствуют, хотя Беларусь обладает значительным потенциалом для развития данного направления.

Во время Второй мировой войны в Беларуси было создано около 260 концентрационных лагерей. В настоящее время мемориальные комплексы жертвам концлагерей являются объектами познавательного или паломнического туризма. Однако, по мнению авторов, категория познавательного туризма слишком ёмкая для того, чтобы отразить их

семантические особенности. Репрезентация мест памяти концентрационных лагерей через призму паломнического туризма была характерна во время первых десятилетий после окончания Второй мировой войны, когда отсутствовала научно-исследовательская база феномена геноцида, в целом, и концентрационных лагерей, в частности. В настоящее время концепция мест памяти концентрационных лагерей должна быть изменена с учётом их образовательного и социально-культурного потенциала.

В данной статье места бывших концентрационных лагерей рассматриваются как места памяти (*lieux de mémoire*), в соответствии с трактовкой Пьером Нора, предложенной вначале 80-х годов XX века. Данная категория воплощает «единство духовного и материального порядка, которое с течением времени и по воли людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности» [13].

Проблематика исследования состоит в том, что на сегодняшний день методы мемориализации и интерпретации мест памяти концентрационных лагерей Беларуси не являются достаточно проработанными. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать опыт по репрезентации мест памяти концентрационных лагерей в туристском показе, и разработать рекомендации по развитию тёмного туризма в Беларуси как способа интерпретации мест памяти концентрационных лагерей.

Таксономия тёмного туризма

Тёмный туризм («darktourism») или танатуризм сравнительно новое понятие в туризмологии. Впервые термин «blacktourism» был использован в 1996 году профессорами университета Глазго Дж. Ленноном и М. Фолеем. Авторы рассматривали тёмный туризм как «феномен, включающий в себя презентацию и потребление реальных и коммодифицированных мест трагических событий и катастроф» [26, с. 198]. Тёмный туризм известен в научной сфере как «thanatourism» (А.В. Ситон), «black-spottourism» (К. Роек), «morbidtourism» (Т. Блом) и т. д. В настоящее время существует множество определений тёмного туризма исходя из различных коннотационных подходов. П.Р. Стоун, например, даёт более общее определение тёмного туризма, согласно которому тёмный туризм - это «акт поездки во мрачные места, связанные со смертью и страданиями» [30, с.38]. А.В. Ситон уделяет особое внимание моральным ценностям, на которых основывается концепция тёмного туризма: «тёмный туризм может не только выступать в качестве хранителя истории с точки зрения наследия, но и в качестве морального хранителя в современном обществе» [28, с.72].

Во многих определениях тёмного туризма в качестве обязательного элемента выступает связь между туризмом и, непосредственно, трагическим событием. Например, П. Гарлоу под термином «тёмный туризм» подразумевает «посещение мест, где произошла трагедия либо исторически значимое смертельное событие, которое до настоящего времени оказывает влияние на нашу жизнь». Данное определение является более точным, так как указывает на социально-культурную и образовательную функции тёмного туризма и его связь с современным обществом[24].

Понятие тёмного туризма подразумевает разнообразие форм, входящих в его структуру. При этом, объекты тёмного туризма различаются по «оттенкам», в зависимости от которой генерируются особенности восприятия данных объектов посетителями. П. Стоун выделяет шесть «оттенков» тёмного туризма (Рис.). К самым тёмным объектам спектра данного вида туризма относятся актуальные места смерти и человеческих страданий. Для объектов данного типа характерными чертами являются: образовательная ориентация, фокусирование на исторических событиях, аутентичность, непродолжительность во времени, отсутствие либо неразвитость туристской инфраструктуры. В то время, как к самым светлым сегментам спектра относятся места с развлекательной ориентацией, коммерциализацией, отсутствием аутентичности, и развитой туристской инфраструктурой [30, с.88].

Самый тёмный	Темнее	Тёмный	Светлый	Светлее	Самый светлый
---------------------	---------------	---------------	----------------	----------------	----------------------

Рисунок 1. Спектр тёмного туризма П. Стоуна[30, с.88]

Спектр тёмного туризма, предложенный П. Стоуном, не только указывает на разнообразие объектов тёмного туризма и фундаментальность предложения, но и позволяет выявить основные характеристики, присущие каждому из шести оттенков тёмного туризма. П. Стоун выделяет семь основных групп наследия, которые используются в тёмном туризме и различаются по предоставляемым услугам и выполняемым функциям: фабрики темных развлечений («darkfunfactories»), тёмные выставки («darkexhibitions»), тёмные тюрьмы («darkdungeons»), тёмные места покоя («dark resting places»), тёмные святыни («darkshrines»), тёмные места конфликтов («darkconflictsites»), тёмные лагеря геноцида («darkcampsofgenocide») [30, с.54]. Лагеря геноцида (концентрационные лагеря) являются в

высшей степени темными местами, которые объединены общим концептом жестокости и катастрофичности.

Концентрационный лагерь (далее - концлагерь) можно определить как «место заключения и содержания людей в тяжёлых условиях без учёта правовых норм ареста, приемлемых для конституционной демократии» [2; 22]. Впервые термин «концентрационный лагерь» был использован английскими войсками в ходе англо-бурской войны 1899-1902 гг. Функциональное предназначение концлагерей в этот период времени заключалось в сосредоточении бурского населения с целью предотвращения их сотрудничества с партизанами [4, с.4]. В настоящее время понятие «концлагерь» используется по отношению к лагерям Третьего рейха [3]. Согласно данным еврейской виртуальной библиотеки, в период с 1933 по 1945 гг. власти Германии сформировали около 20 000 лагерей, которые разделены на следующие группы в зависимости от назначения: концлагеря, трудовые лагеря, транзитные лагеря, лагеря смерти и др. [23].

Таким образом, тёмный туризм – это многогранный феномен, который консолидирует видовое разнообразие и создаёт предпосылки развития и репрезентации историко-культурных объектов, связанных со страданиями или трагическими событиями, в котором особое место занимают места памяти концлагерей.

История создания и мемориализация мест памяти концлагерей в Республике Беларусь

Республика Беларусь – одна из стран, которая в результате всеобъемлющей политики геноцида в годы Второй мировой войны понесла большие потери населения. Ярким доказательством целенаправленного геноцида в отношении белорусского населения служат материалы Нюрнбергского международного военного трибунала стран антигитлеровской коалиции. В соответствии с «Генеральным планом Ост» предполагалось уничтожить до 30 млн. славянского населения Восточной Европы, из них - 75 % населения Беларуси [1, с.192]. Оставшиеся 25% белорусов должны были подвергнуться полному онемечиванию. Для реализации разработанной немецким правительством стратегии на землях бывшей БССР была сформирована система концлагерей, которые начали появляться на территории БССР в 1941 г. В общей сложности, в период с 1941 по 1945 гг. в БССР было сформировано около 260 концлагерей [8].

Большинство концлагерей в послевоенное время выполняло функции тюрем или приютов для беженцев. Первые мемориальные комплексы на местах смерти жертв концлагерей появились спустя 10-20 лет после окончания военных действий и представляли собой

obeliski со схожим архитектурным решением. По причине низкой степени физической сохранности, единицы из них были преобразованы в мемориальные музеи.

Самым крупным концлагерем на оккупированной территории СССР являлся «Малый Тростенец», где было уничтожено 206 500 человек [7]. Среди узников «Малого Тростенца» значительную часть составляли евреи, депортированные из Минского гетто и европейские евреи (из Германии, Франции, Польши, Австрии, Венгрии, Чехословакии), а также военнопленные, партизаны, мирное население [10, с.124]. На месте концлагеря «Малый Тростенец» в 2015 году был открыт мемориальный комплекс.

К числу крупнейших концлагерей Беларуси относится также Концлагерь «Озаричи» (Гомельская область), который просуществовал с 10 по 19 марта 1944, где содержалось свыше 50 000 советских граждан и было умерщвлено не менее 20 000 граждан БССР и РСФСР. В соответствии с материалами Нюрнбергского процесса значительная часть освобождённых составляли дети в возрасте до 13 лет — 15 960 человек [9, с. 83]. В 1965 году, в результате совместной работы скульптора Д.А. Попова и архитектора Ф.У. Хаирулина на месте концлагеря «Озаричи» был построен мемориал, который представляет собой памятник из трёх стелл, на которых указы имена узников. В 2004 в посёлке Озаричи был создан Музей памяти жертв Озаричского лагеря смерти [10].

По числу жертв в одном наряду с концлагерем «Озаричи» находится Колдычевский концлагерь. Он был создан в 1942 г. в 20 км от города Барановичи на месте бывшей усадьбы помещика Томаша Салевича. В 1964 г. вблизи деревни Колдычево была установлена скульптура пожилой женщины с надписью: «Здесь и в окрестностях похоронены 22 тыс. советских патриотов, замученных немецко-фашистскими захватчиками в 1942-44 гг.». В 2007 г. в д. Колдычево было завершено строительство мемориала в виде трехстворчатой арки [5].

Кроме гетерогенных концлагерей существовал ряд концлагерей, предназначенных для конкретной группы узников, например в 1941-1944 гг. на территории бывшего БССР действовало 16 концлагерей для детей. «Красный берег» был одним из самых крупных детских донорских концлагерей Беларуси. Точное количество детей, погибших в «Красном берегу», не установлено; предположительно их число достигает 5,3 тыс. человек, из которых 4,5 тыс. – дети до 15 лет. 18 июня 2007 г. в деревне Красный Берег в честь погибших в концлагере детей был открыт мемориальный комплекс [6].

В Беларуси не существует полностью сохранившихся либо реконструированных зданий бывших концлагерей, что снижает их репрезентативность и увеличивает зависимость от интерпретаций в туристическом показе. Наиболее распространенной формой мемориализации и мест концлагерей являются мемориальные комплексы и памятники.

Места памяти концентрационных лагерей в экскурсионном показе

В настоящее время существует ряд экскурсий с использованием мест памяти концентрационных лагерей. Ниже представлен анализ программ туров от компаний Республики Беларусь.

Туристическая фирма «KaktusTours» предлагает автобусный тур «Красный Берег – Жлобин». Во время 10-часовой экскурсионной программы туристам предлагается посетить следующие объекты: мемориал «Красный берег», памятник дворцово-парковой архитектуры 19 века и аквапарк. Маршрут объединяет объекты историко-культурного наследия, в том числе мемориал памяти узников концентрационного лагеря «Красный Берег», и объекты развлекательного характера [20]. Подобные экскурсионные программы предлагают также турагентство «Катэлина», бюро туризма «Спутник», туристическая компания «Омега-тур».

Белорусский туроператор «Holiday.by» организует экскурсию «Дорогами Жлобинщины», которая включает посещение религиозных объектов Жлобинщины (Свято-Троицкого храма, Пиревичского храма Всех Святых и др.), мемориального комплекса на месте детского концлагеря «Красный Берег» и Центра олимпийского резерва (бассейна, аквапарка и ледового дворца) [17]. Таким образом, маршрут не учитывает тематическую направленность тура.

Белорусский туроператор «Голливудтрэвел» предлагает однодневный тур «Бобруйск (крепость на Березине) – Красный Берег». В ходе поездки экскурсанты знакомятся с историей города Бобруйска, посещают фирменный магазин предприятия «Красный пищевик» - производителя кондитерских изделий в Республике Беларусь, и в самом конце тура посещают мемориальный комплекс «Красный Берег» [15].

Белорусские туристические компании предлагают также экскурсии военного характера (экскурсия по Минску «Знать, чтобы помнить», организуемая туроператором «Holiday.By»). Данная экскурсия объединяет некоторые историко-культурные объекты Великой Отечественной войны: памятник-obelisk воинам Советской

армии и партизанам, Площадь Победы, мемориал «Яма» в память о погибших в Минском гетто [19].

Некоторые туроператоры в процессе трансформаций экскурсионных программ военной тематики исключают посещение мемориальных комплексов из маршрутов, несмотря на то, что последние являются неотъемлемой частью истории Великой Отечественной войны. Например, в 2014 г. туроператор «Автоматизированные технологии туризма» предлагал тур «Дорогами военной истории». В качестве главных пунктов посещения выступали: мемориальный комплекс «Хатынь», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, музейная площадка «Партизанский лагерь» и Минское гетто. В 2015 году название данного тура было заменено на «Дорогами победы (3 дня)», и Минское гетто было исключено из программы экскурсии [18, 21].

Ряд туристических компаний разрабатывает экскурсионные маршруты по Беларуси для школьников. Например, туроператор «Сектор туризма, путешествий и экскурсий» предлагает учащимся школ посетить 12-часовую экскурсию «Красный берег – Жлобин» [20]. Турагентство «Tetour.by» реализует для школьных групп однодневный экскурсионный тур «Восточные земли Беларуси», объединяющий Бобруйск, Жиличи и Красный Берег. Наряду с посещением памятников архитектуры 19-20 вв. (Бобруйского замчища, дворцово-паркового ансамбля в Жиличах и др.), программой тура предусмотрен показ мемориала «Красный Берег» [16].

Таким образом, на рынке Беларуси представлены туры с использованием места памяти концлагерей, однако экскурсионные маршруты не учитывают эмоциональной и коннотативной специфики данного ресурса. За исключением туров военной направленности, экскурсионные программы с использованием мемориалов концлагерей дополнены объектами развлекательного характера, что отрицательно сказывается на тематической целостности тура.

Проблемы туристско-экскурсионного показа мест памяти концлагерей Беларуси вызваны совокупностью политических, правовых и социокультурных факторов, препятствующих процессу рационального построения интерпретационной концепции рассматриваемых объектов. Прежде всего, понятие «тёмный туризм» не закреплено в нормативно-правовой базе Республики Беларусь. Мемориальные комплексы жертвам концлагерей относятся к объектам познавательного туризма, объединяющей показ историко-культурного наследия Беларуси. С одной стороны, подобная систематизация является вполне дискурсивной, так как познавательный туризм

предполагает изучение исторического прошлого страны, что в полной мере соответствует характеру у исследуемых объектов [12]. Вместе с тем, данная категория туризма, объединяя историческую уникальность и эмоциональный фон мест памяти концлагерей. Тёмный туризм, в силу своей объектно-ориентированности, способен объективно отразить концептуальную доминанту данных объектов. Стимулирование развития научно-исследовательской деятельности в данном направлении будут способствовать развитию интерпретационных методик для туристско-экскурсионного показа мест памяти концлагерей.

Среди политических факторов в наибольшей степени влияющих на развитие тёмного туризма в Беларуси, следует отметить, что до сегодняшнего дня феномен белорусского геноцида не получил должного подтверждения ни на национальном, ни на международном уровне. Немецкий историк Д. Стратиевский, объясняет это следующими причинами: отсутствием лоббизма в политической системе Беларуси, отсутствием концептуально утверждённого нарратива о геноциде белорусского народа, трудностями с определением понятия геноцида [14].

Артефакты, имеющие отношение к бывшим концлагерям Беларуси, хранятся в военных и краеведческих музеях страны, т.е. отдельно от исторического места событий. Такая разобщённость негативным образом сказывается на туристско-экскурсионном показе концлагерей, так как влечёт за собой нарушение непрерывности процесса презентации данных объектов. С целью успешного развития концепции концлагерей в перспективе, необходимо территориально совместить мемориальные комплексы и музейное учреждение, создав при этом единую организацию, которая специализировалась бы на сохранении, интерпретации и репрезентации мест памяти концлагерей.

В настоящее время в Республике Беларусь существуют экскурсионные программы, которые используют мемориальные комплексы жертвам концлагерей, однако они не отражают семантические особенности данных объектов. В связи с этим, целесообразно использовать методологическую основу тёмного туризма для разработки и реализации программ, где будет учтён многогранный и комплексный характер данного вида памятников истории.

Список литературы:

1. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. Планы на бумаге и в жизни. М.: Мысль, 1964. 533 с.
2. Геллер М.Я. Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974. 356 с.

3. Земля святая. Кровь и пепел под ногами. Библиотека XXI века, 2012, 44 с.
4. Знать, чтобы помнить [Электронный ресурс] URL: <http://by.holiday.by/excursions/264> (дата обращения: 01.10.2016).
5. Концлагерь в д. Колдычево – следы истории войны [Электронный ресурс] URL: <http://www.barturizm.by/pamyatniki-i-pamyatnye-mesta/voennye-pamyatniki/71-kontslager-v-d-koldychevo-sledy-istorii-voyny> (дата обращения: 04.09.2016).
6. Красный берег – мемориальный комплекс на месте детского концлагеря [Электронный ресурс] URL: <http://govorim.by/gomelskaya-oblast/zhlobin/stati-o-zhlobine/37278-tomkad-krasnyu-bereg-memorialnyu-kompleks-na-meste-detskogo-konclagerya.html> (дата обращения: 12.09.2016).
7. Лагерь смерти Тростенец, документы и материалы [Электронный ресурс] URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=973276> (дата обращения: 11.08.2016).
8. Немецко-фашистский оккупационный режим на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] URL: http://www.library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1290343086&archive=1290362895&start_from=&ucat=8&(дата обращения: 07.06.2016).
9. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7 т. Москва: Юрид.изд., 1957 – 1961.
10. «Озаричи» концлагерь [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Озаричи_\(концлагерь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Озаричи_(концлагерь)) (дата обращения: 10.06.2016).
11. Памяць Беларусі. У 145 т. Рэдакцыя Усесаюзнай Кнігі Памяці. Мінск: БЕЛТА, 1985-2005. Кн. 1. Гістарычна – дакументальнае роніка Мінска. 2001. 576 с.
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Национальной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2006 - 2010 годы и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь», 24 августа 2005, № 927.
13. Содержательный отчет проекта «Места памяти» с января по декабрь 2010 года [Электронный ресурс] URL: http://www.gttp.ru/subs/acc_6.htm (дата обращения: 06.09.2016).
14. Стратиевский Д.В. Историческая память в Германии и окупационная политика германского вермахта в Белоруссии в 1941 – 1945 гг. Объединение контактов со странами бывшего Советского Союза [Электронный ресурс] URL: <http://www.kontakte-kontakty.de/russisch/belarus.php>. (дата обращения: 06.09.2016).
15. Экскурсия «Бобруйск (крепость на Березине) – Красный Берег» [Электронный ресурс] URL: <http://www.hollywood.by/ekskursionnie-turi-v-belarus-2013/ekskursiya-dlya-organizovannich-grupp-v-bobruysk-krepost-na-berezine-krasniy-bereg-iz-minska-2013>. (дата обращения: 05.06.2016).

16. Экскурсия «Восточные земли Беларуси» [Электронный ресурс] URL: <http://www.tetour.by/avtobusnyie-turyi/belarus1/etyudyi-vostochnoj-belarusi.html>. (дата обращения: 05.06.2016).
17. Экскурсия «Дорогами Жлобинщины» [Электронный ресурс] URL: <http://by.holiday.by/excursions/238/guides> (дата обращения: 07.06.2016).
18. Экскурсия «Дорогами Победы» [Электронный ресурс] URL: http://www.ekskursii.by/?Dorogami_voennoj_istorii. (дата обращения: 06.06.2016).
19. Экскурсия «Знать, чтобы помнить» [Электронный ресурс] URL: <http://by.holiday.by/excursions/264> (дата обращения: 07.06.2016).
20. Экскурсия «Красный Берег – Жлобин» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kakustour.com/index.php/bus-travel/exkursii-po-belarusi/item/816-красный-берег-жлобин> (дата обращения: 06.06.2016).
21. Экскурсионные туры по Беларуси 2015 год для взрослых [Электронный ресурс] URL: <http://belviptour.by/index.php/prises.html> (дата обращения: 07.06.2016).
22. Concentration camps, 1933-1939 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005263>. (дата обращения: 07.06.2016).
23. Concentration Camps: How many camps [Электронный ресурс] URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Holocaust/howmanycamps.html> (дата обращения: 21.08.2016).
24. Davis Shannon, BowringJacky. Connecting with tragedy through landscapes of memory: memorial design, tourism, and the post – genocide memoryscapes of Cambodia, Rwanda and Germany. Memory connection, 2011, vol. 1, p. 377 – 391.
25. Kearn M. Sociology of death and dying [Электронный ресурс] URL: <https://www.trinity.edu/mkearl/death.html> (дата обращения: 5.07.2016).
26. Lennon John; and Foley Malcolm. Dark tourism – the attraction of death and disaster. In: International Journal of Tourism Research. London and New York: 2002, vol. 4, p. 485 – 486.
27. Lennon John; and Foley Malcolm. JFK and Dark Tourism: A fascination with assassination. In: Journal of International Heritage Studies. Glasgow: Caledonian University, 1996, vol.2, p. 198 – 211.
28. Seaton Tony. Thanatourism and its discontents: an appraisal of a decade's work with some future issues and directions. In: The Sage Handbook of Tourism Studies. Edited by T. Jamal, M. Roberson. London: SAGE Publications Ltd., 2009, p. 521 – 542. ISBN 978 – 1 – 4129 – 2397 – 2.
29. Sharley Richard; and Stone Philip. The Darker Side of Travel. The Theory and Practice of Dark Tourism. Canada: Channel View Publications, 2009. 288 p.
30. Stone Philip. Death, Dying and Dark Tourism in Contemporary Society: A Theoretical and Empirical Analysis: Doc. thesis: Lancashire, 2010. 497 p.

2.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Пучковская Антонина Алексеевна

*канд. культурологии, тьютор,
Федеральное Государственное Автономное Образовательное
Учреждение Высшего Образования «Санкт-Петербургский
национальный исследовательский университет информационных
технологий, механики и оптики»,
РФ, г. Санкт-Петербург*

GLOBALIZATION PROCESSES AND SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE FRAMEWORK OF WORLD-SYSTEMS ANALYSIS

Antonina Puchkovskaya

*candidate of Cultural Studies, tutor in Saint Petersburg National Research
University of Information Technologies, Mechanics and Optics,
RF, Saint Petersburg*

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01018

Аннотация. В статье дается обзор теоретических учений относительно часто употребляемого и одновременно спорного понятия глобализации. За основу взят взгляд на глобализационные процессы и социокультурные трансформации, их отличительные черты, периодизацию и прочее, основоположника мир-системного подхода американского социолога и культуролога И. Валлерстайна. Приведены схожие и противоположные мнения как зарубежных, так и отечественных исследователей. Обращено внимание на противоречивость понятия глобализации и остро стоящие проблемы современного гуманитарного знания.

Abstract. The article provides an overview of the theoretical discourses related to the often used and very controversial concept of globalization. It is based on the world-systems analysis, which was founded by American sociologist Immanuel Wallerstein. The paper shows his viewpoint on globalization processes and sociocultural transformations, their distinctive features, periodization, etc. The similar and contrasting views of both foreign and domestic researchers are also described. Attention is drawn to the inconsistency of the concept of globalization and facing acute problems of modern humanities.

Ключевые слова: глобализация; мир-системный подход; И. Валлерстайн; межкультурное взаимодействие; социокультурные трансформации.

Keywords: globalization; the world-system analysis; I. Wallerstein; intercultural interaction; sociocultural transformations.

Глобализация – одно из наиболее популярных и одновременно противоречивых концептов современного гуманитарного дискурса. Понимаемый как процесс, охватывающий весь земной шар, феномен глобализации стал широко обсуждаться в середине 1980-х гг., когда его начал разрабатывать Р. Робертсон [12]. Со временем концепт глобализации получил множество трактовок. Зарубежная традиция представлена такими исследователями как Ж. Атали, Р. Робертсон, М. Кастельс, У. Робинсон, Э. Гидденс, У. Бек, Дж. Сорос, П. Бергер, Ф. Джемисон и др. Среди отечественных представителей общественной мысли следует выделить А.С. Панарина, А.И. Уткина, М.Я. Чешкова, А. Дугина, А.Г. Задохина, Ю.В. Яковца, В.М. Дианову и др.

К одним из наиболее известных исследователей глобализации относят И. Валлерстайна. К вопросу глобализации американский ученый обращается в статьях «Глобализация или эпоха перехода?» и «После девелопментализма и глобализации, что?» [15, 16], где акцентирует внимание на том, что процессы, которые обычно имеют в виду, когда говорят о глобализации на самом деле отнюдь не новы. Они продолжают, по его мнению, в течение пятисот лет [16, с. 250]. Плодотворным, как говорит И. Валлерстайн, будет выделить следующие два хронологических аспекта феномена глобализации: во-первых, период с 1450 г. до наших дней, а, во-вторых, временной отрезок с 1945 г. также по сей день. Середина XV века – это время формирования современной мир-системы. Согласно американскому учёному, вектором развития европейской мир-экономики стала ее экспансия в рамках глобального разделения труда: наличие свободных

наемных рабочих мест, промышленные производства, ориентированные на продажу на рынке с целью максимальной прибыли [1, с. 27] и т.д. С этой точки зрения глобализация трактуется им как один из процессов, протекающих в капиталистической мир-экономике, точка отсчета которого совпадает с зарождением современной исторической системы. Согласно данному аспекту, глобализация означает распространение западной экономической модели, капитализма, целью которого является создание единого экономического пространства (унификация), и может быть интерпретирована, как гегемония стран ядра, пропагандирующих неолиберальную политическую идеологию глобальной свободной торговли и бесконечное накопление капитала.

Сходной позиции относительно капитализма, как краеугольного камня процессов глобализации, придерживается У. Робинсон. Будучи представителем школы «глобального капитализма» (*globalcapitalism*) [14, с. 191], он отмечает, что «суть глобализации – это глобальный капитализм», видя в долгосрочной перспективе мир, который станет «единым пространством деятельности капитализма» [14, с. 203]. Аналогичную точку зрения отстаивает американский социолог К. Чейз-Данн. Он считает, что главным мотивом глобализационных процессов стало пресыщение внутреннего рынка стран, относящихся к ядру современной капиталистической мир-экономики, и, как следствие, необходимость в поиске новых внешних рынков сбыта продукции [10, с. 381]. Автор подчеркивает, что технологии, послужившие катализатором капиталистической экономической глобализации, «создают потенциал, позволяющий тем, кто неудовлетворен, ущемлен или выброшен на обочину жизни бесконтрольным господством капитала, организовать новые формы сопротивления» [3, с. 85]. Английский социолог М. Манн помимо экономического аспекта подчеркивает важность военно-политического, геополитического и идеологического факторов. «Глобальные тенденции встроены в большую часть социальной практики нашего века, а не связаны только с капитализмом» [3, с. 21].

Обратим внимание на критику идеи капитализма как авангардной силы глобализации. В частности, американский историк Р. Бреннер (*R. Brenner*) назвал такой подход «нео-смитовским марксизмом» [9, с. 25-92], так как, согласно А. Смиту, сущность капитализма сводится к развитию принципа разделения труда и, как следствия, расширению обмена товаров между производителями. Такое понимание капитализма на основе функционального расширения и развития рыночных отношений приводит к ошибочному, по мнению автора,

представлению о глобализации лишь как о движении капитала, игнорируя исторические и культурологические процессы [9, с. 25-92].

Помимо выше упомянутых исследователей были те, кто не связывал распространение глобализации с капитализмом, однако, им также импонировала идея периодизации, отстаиваемая И. Валлерстайном. Ученые были солидарны с американским исследователем в том, что существование глобалистских тенденций или форм/стадий глобализации имели место задолго до второй половины XX столетия. Среди них следует отметить А.Г. Хопкинса и К.А. Бейли. Британский историк А.Г. Хопкинс предлагает четыре формы, которые, на его взгляд, принимала глобализация с течением времени: «архаическая глобализация» (archaic globalization), имевшая место до эпохи индустриализации и формирования наций-государств, «прото-глобализация» (proto-globalization), характерная для социокультурного развития в период между XVII и XIX вв., «глобализация в эпоху модерна» (modern-globalization), соответственно определявшая ход истории с XIX по первую половину XX вв. (времени становления наций-государств и формирования национальных культур, а также бурного роста промышленных технологий), и, наконец, «постколониальная глобализация» (post-colonial globalization), которая ознаменовала современный этап глобализационных процессов, точкой отсчета которых, можно считать 1950 год [11, с. 4-8].

Отметим, что оба автора акцентирует внимание на том, что процессосоциокультурной трансформации от одной формы глобализации к другой не был линейным, наоборот, между стадиями существовали периоды спадов, размежевания связей и дифференциации. Другой западный исследователь Г. Терборн, выделявший шесть волн глобализации, охарактеризовал этапы ослабления наработанных экономических, политических и культурных связей как периоды «деглобализации» [6, с. 80].

Схожие с А.Г. Хопкинсом взгляды имеет Р. Робертсон, который говорит о том, что процессу глобализации свойственны пять стадий. Первая стадия началась в пятнадцатом столетии и продолжалась до середины восемнадцатого века, затем наступил черед второй стадии, которая завершилась в 1870 г., начало третьей стадии под названием «взлет» (takeoff) датируется 1870-1920 гг., четвертая продлилась с 1920 г. по 1960 г., а пятая стадия – «неизвестности» – характеризует период с 1960 по 1990 гг. [13, с. 7].

Среди отечественных ученых сходную на периодизацию глобализационных процессов точку зрения отстаивает Ю.В. Яковец, описывая глобализацию следующим образом: «процесс глобализации

далеко не новый, многочисленные нити культурных, торгово-экономических связей столетие за столетием крепили и умножались, охватывая населенную часть земного шара» [8, с. 6]. Тем самым автор подчеркивает историческую преемственность глобализационных процессов. Параллельно с И. Валлерстайном, Ю.В. Яковец отмечает, что на рубеже XX-XXI вв. вследствие ряда причин, в частности, развития телекоммуникационных сетей и Интернета, этот процесс приобрел качественно новое измерение. Отечественный ученый выделяет пять фундаментальных факторов глобализации: фактор глобализации техносферы (формирование глобального технологического пространства и переход к постиндустриальной экономике), экономический фактор (формирование единого глобального рынка), геополитический (антагонизм двух взаимоисключающих моделей: монополярного атлантизма и многополярного мира), социокультурный (наиболее противоречий фактор, подчеркивающий противостоение гомогенизации и глокализационных процессов) и, наконец, демографо-экологический (фактор, нашедший отражение в проблемах перенаселения, истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды) [8, с. 164].

Солидарен с мнением И. Валлерстайна другой российский исследователь, экономист и социолог В.Л. Иноземцев. Принимая за отправную точку глобализационных процессов середину XV века, отечественный ученый отождествляет их начальный этап с вестернизацией: «то, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация» [5, С. 58]. На первом этапе глобализация «не предполагала формирования “взаимозависимого” мира; она решала вполне <...> рациональную задачу создания “европейского мира”» [5, с. 59] Еще один отечественный исследователь В.Г. Федотова связывает понятия глобализации и модернизации, считая, что если отсутствует модернизация (или она была прервана), то нет и глобализации: «глобализация XIX в. ознаменовалась развитием свободной торговли <...>. Но этому витку глобализации были оказаны серьезные системные сопротивления в виде коммунизма, фашизма и национализма. И глобализация, которая являлась следствием модернизации, была прервана» [7, с. 192].

Отметим, что отстаивая идею пяти вековой истории глобализации, И. Валлерстайн, однако, выделяет период современного ее состояния (с 1945 г. по сегодняшний день), как заслуживающий пристального внимания. В статье под названием «Глобализация или эпоха перехода? Современная мир-система в далекой перспективе» американский ученый анализирует временной отрезок, по его мнению,

характеризующий эпоху перехода капиталистической мир-экономики на качественно иной уровень. На рубеже XX-XXI вв. современная историческая система, подчеркивает автор, пребывает в состоянии кризиса или перехода, во время которого мир-система будет «преобразована в нечто другое» [16, с. 250]. Временной отрезок с 1945 г. характеризует долгий Кондратьевский цикл: его А-фаза (подъем), согласно И. Валлерстайну, длилась до 1967-1973 гг., затем наступил спад или Б-фаза [16, с. 253]. В период стагнации современная мир-система подвержена структурным изменениям, одним из которых является социокультурная трансформация парадигмы «нация-государство». Будучи фундаментом развития капитализма, нации-государства, основанные на принципе территориальной целостности, политическом суверенитете, многоуровневых отношениях между производством и социальными стратами, сегодня испытывают ряд изменений. «Впервые за последние пятьсот лет государства утрачивают свою власть – и не столько вследствие роста влияния транснациональных корпораций, как это часто утверждается, сколько в силу утраты легитимности, придаваемой государствам их народами, все более теряющими веру в последовательное улучшение своего положения» [2, с. 102-103]. Социокультурные трансформации коллективной идентичности нашли отражение в концепции космополитизма как альтернативе национальной культуры [4].

Итак, очевидно, что взаимодействие и взаимопроникновение культур в масштабе локальном и глобальном всегда имели место. Однако осознание глобальности, как новой формы интеграции мира, произошло на рубеже XX-XXI вв. Современная глобальность несет в себе антагонизм взаимосвязанности и тенденций к разобщению, размежеванию. Это является отличительной чертой современной капиталистической мир-системы, которая вступила в эпоху перехода и переживает серьезный структурный кризис. Полагаем, что социокультурные трансформации, имевшие место в XV веке и усилившие взаимодействие между культурами, послужили предпосылками для становления универалистских ценностей (демократических идей свободы, равенства и братства, всеобщих прав человека и т.д.) и, как следствие, идеи универсальности и всеобщности, обозначили вызов формированию глобальной культуры.

Список литературы:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире Пер. с англ. П.М. Кудюкина. СПб., Изд-во «Университетская книга», 2001.– 416 с.

2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Пер. с англ. под ред. Б.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. — М.: Логос, 2003. — 368 с.
3. Глобализация и афро-азиатский мир. Методология и теория: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научн.-инф. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки. — М., 2007.— 164 с.
4. Дианова В.М. Космополитизм в эпоху глобализации // Вопросы культурологии, 2007, № 1.С. 8-12.
5. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии (№ 4). 2004.С. 58-69.
6. Терборн Г. Глобализация и неравенство // Сумерки глобализации Настольная книга антиглобалиста. — М., 2004. — 352 с.
7. Федотова В.Г. Глобализация и модернизация // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003.— 607 с.
8. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2003.— 441 с.
9. Brenner R. The origins of capitalist development: A critique of neo-Smithian Marxism. *New Left Review* 104 (1).
10. Chase-Dunn Ch. Globalization: A world-system perspective // *Globalization / Ed. by Robertson R., White K. — L.; N.Y.: Routledge, 2004. Vol. 1. P. 29-66.*
11. Hopkins A.G. Globalization - an Agenda for Historians//*Globalization in World History*, ed by Hopkins A G , London, 2002. P. 4-8
12. Robertson R, Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory //*Theory, Culture & Society* 1985, N3, Robertson R *Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review* 1987, Vol 17. P. 103-117.
13. Robertson R., White K. Globalization an Overview//*Globalization Critical concepts in sociology*, ed. by R. Robertson Vol. 1. P. 1-44.
14. Robinson W.Y. Beyond nation-state paradigms. Globalization, sociology and the challenge of transnational studies // *Globalization: Crit. Concepts in sociology / Ed. by Robertson R., White K. — L.; N.Y.: Routledge, 2004. Vol. 2. P. 189-201.*
15. Wallerstein I. After Developmentalism and Globalization, What? // *Social Forces*, LXXXIII, 3, Mar. 2005.P. 1263-1278.
16. Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-termview of the trajectory of the world-system // *International Sociology*, June 2000. Vol. 15. P. 249-265.

РАЗДЕЛ 3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. ЖУРНАЛИСТИКА

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ОЧЕРКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.Д. КРЮКОВА

Смирнова Евгения Александровна

*канд. филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный университет – ВолГУ,
РФ, г. Волгоград*

SPECIFICS OF THE GENRE OF THE ESSAY IN F. D. KRYUKOV'S CREATIVITY

Evgeniya Smirnova

*candidate of Philology, associate professor
in Volgograd State University – VolSU,
Russia, Volgograd*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 16-14-34006 «Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова».

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества донского писателя Ф.Д. Крюкова. Актуальность исследования и новизна исследования определяется комплексным междисциплинарным подходом к решению проблемы, что позволяет проанализировать феномен писателя-журналиста, обосновать его творческие принципы, определить слагаемые его мастерства. Представлена характеристика жанра очерка в творчестве писателя.

Abstract. The article analyzes the work of the Don writer F.D. Kryukov. The article considers the specifics of the creative method of the writer-journalist. It determines the relevance of the study. The novelty of the research is determined by a complex interdisciplinary approach to solving the problem, which allows to analyze the phenomenon of journalist-writer, explain his creative principles, define the terms of skill of journalist-writer skill. The article presents the characteristics of the genre of the essay, which were accessed by the writer.

Ключевые слова: публицистика; жанр; очерк; специфика творчества; Ф.Д. Крюков; казачество.

Keywords: publicism; genre; essay; specifics of creativity; F.D. Kryukov; Cossak.

Ф.Д. Крюков (1870 –1920) вошел в историю литературы и журналистики как один из авторов журнала «Русское богатство», нескольких газет и журналов Области Войска Донского, как талантливый публицист, внимательный редактор и истинный патриот своего «родимого края» – «тихого Дона». Его имя также известно в связи с шолоховским вопросом – об авторстве романа «Тихий Дон», но мы оставим в стороне дискуссию по этому поводу, сосредоточив внимание на особенностях художественной манеры Ф.Д. Крюкова. Его творчество в региональной и в центральной журналистике выполняло, по сути, имиджеформирующую (в плане освещения казачьей истории, быта и нравов), культурологическую функцию, ввиду чего исследование слагаемых его писательского и журналистского мастерства требуют особого внимания. Крюков называл свой творческий метод «полубеллетристической». Именно сочетание публицистического факта и его художественного осмысления («смесь образа и публицистики» [3, с. 15]) лежит в основе крюковской очеркистики.

Выбор жанровых форм, к которым обращался Ф.Д. Крюков, обусловлен в первую очередь типом издания, в котором сотрудничал писатель (очерки в журналах, статьи и эссе в газетах), и редакционным заказом (например, когда готовил рецензии в библиографический раздел «Русского богатства»). Но все-таки большая часть его творческого наследия представлена очеркистикой. В литературной журналистике конца XIX века отмечается особая популярность этого жанра. Е.И. Журбина обуславливает это стремлением писателей к объективности и документализму, трансформацией жанровых форм, стремлением отразить в художественном творчестве быстро

меняющуюся эпоху. Гибкость и оперативность жанра очерка, его полистилизм и диалогичность позволяли писателям откликаться на актуальные запросы времени [2, с. 45]. Очерк объединяет в себе возможности журналистики и литературы, соединяя в себе конкретику фактов, обращение к массовой аудитории, активность авторского присутствия и художественное воплощение наблюдаемых явлений, образное письмо.

Еще в исторических очерках начала 90-х годов XIX века («Шульгинская расправа», «Гулебщики») Крюков обозначил свою тему – казачество в его историческом прошлом и в контексте проблем современности. Тема эта была малоразработанной в литературе, поэтому народнический журнал «Русское богатство», проявлявший особое внимание к жизни российской провинции и малых этнографических групп, благосклонно восприняла писательский дебют Крюкова – рассказ «Казачка» (Русское богатство (далее – РБ). 1896. № 10). Путевой очерк «На тихом Дону» (РБ. 1898. № 8–10) продолжил знакомить российского читателя с жизнью и чаяниями «рыцарства старины».

Жанр очерка позволял, с одной стороны, обращаться к факту действительности, лично наблюдаемому автором, а с другой – художественно этот факт воплощать, используя собирательную или избирательную типизацию и сохраняя документальную насыщенность повествования. При этом автор фактически выполняет функцию стенографа текущей жизни, выстраивая свое произведение в соответствии с концепцией читательской восприятия журнального текста. Выбор названия, темы, идеи, мотивов обусловлен редакционной политикой и запросами аудитории. Заголовок закреплял ведущую тему и побуждал к знакомству с текстом. Причем крюковские заголовки, как правило, многоуровневые, сопровождаются разъясняющими подзаголовками («из станичного быта», «летние впечатления и заметки», «картинки школьной жизни», «картинки казацкой мобилизации», «путевые впечатления», «впечатления проезжего», «из школьной хроники» и т.п.). Таким образом, заголовочный комплекс акцентирует сиюминутность впечатлений, соотносит с текущим моментом, обозначает тему выступления, атрибутирует роль автора по отношению к наблюдаемому и героям.

Автор в очеркистике, как и его герои, объединяет в себе типическое и индивидуальное: его «я» гарантирует истинность происходящего, осмысливая его сквозь призму его жизненного опыта в контексте современности, с точки зрения своих мировоззренческой позиции и индивидуальных особенностей. Авторское «я» в

публицистике Крюкова всегда соучастующее, сопереживающее. Отсюда особый лиризм, присущий его произведениям. Обращение публициста к первому лицу объясняется как стремлением отразить личную рефлексию по поводу увиденного/переживаемого, но и пригласить читателя к диалогу, объединить свое «я» в общее «мы», способствовать пробуждению гражданского самосознания.

Очерк в творчестве Ф.Д. Крюкова представлен в жанровых формах беллетризованного очерка, близкого к рассказу («Встреча», «В камере № 380», «Обвал», «На речке лазоревой»), путевого очерка («На тихом Дону», «Без огня», «Новое» и др.), портретного очерка (представленного в виде воспоминаний о ярких личностях современников, ушедших из жизни: «Памяти Н.Ф. Анненского», «О пастыре добром», «Роман Кумов» и др.), социально-бытовой («В сугробах», «Угловые жильцы») и исторический очерки (уже упомянутые «Шульгинская расправа», «Гулебщики»). Однако большая часть очерков имеет синкретичную структуру с совмещением нескольких очерковых разновидностей (путевой очерк и социально-бытовой, путевой и проблемный и т.д.).

Практически в каждом произведении Крюкова присутствует мотив путешествия (в путевых очерках он становится жанрообразующим). Он позволяет объединить разноплановые в тематическом и стилистическом плане конструкции (пейзажные и бытовые зарисовки, репортажные элементы, сцены из жизни, диалоги) в единое целое, через описательный уровень выйти на уровень проблемный, создать целостную панорамную картину окружающей жизни. Публицистическое мастерство Крюкова-очеркиста проявляется в точности деталей (интерьерные, портретные зарисовки, «вкусовые» и «обонятельные» характеристики, речь персонажей, звуковой ряд через введение интертекстуальных «музыкальных» конструкций – казачьих песен), в эмоциональности прозы, сочности языка, мягком юморе [подробнее см.: 4].

Диалогичность крюковских очерков проявляется также на синтаксическом уровне – с этой целью используются риторические вопросы, восклицания, многоточия, предполагающие паузы при прочтении, чтобы читатель задумался и попытался осмыслить изображаемое. Репортажные элементы выполняют ту же функцию – это не только композиционные элементы, это стремление погрузить читателя в ситуацию, инициировать его воображение и включить в диалог с героями, обсуждающими насущные проблемы своего времени. Крюкова упрекали в слабости сюжетов – что они «сероваты, движения в них мало» [1, с. 118]. Однако очерки Крюкова подвижны не

внешним сюжетом (он зачастую «свернут», обозначен пунктирно), а сюжетом внутренним – последовательной сменой картин и явлений, изменениями представлений героя об изображаемом и переживаемом, развитием авторской мысли, при этом повествование скрепляется мотивом дороги, деталями и микродетальями. Кроме того, во многих очерках присутствуют внесюжетные элементы – публицистические и лирические авторские отступления («Обвал», «В сугробах»), социологические данные («В углу», «Новым строим») и др.

Крюковское публицистическое наследие дает богатейший материал к изучению аспектов журналистского мастерства в плане технологии разработки публицистических образов, использования изобразительно-выразительных средств, выстраивания композиции и т.д. и вполне может стать своеобразной творческой мастерской для современных журналистов, работающих в жанре очерка.

Список литературы:

1. Горнфельд А.Г. Рассказы Крюкова / А.Г. Горнфельд // Книги и люди. Литературные беседы. – СПб., 1908. – С. 112–120.
2. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров (Очерк. Фельетон) / Е.И. Журбина. – М.: Мысль, 1969. – 399 с.
3. Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 т. Т.8 / В.Г. Короленко. — М.: ГИХЛ, 1955. — 512 с.
4. Смирнова Е.А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова / Е.А. Смирнова, В.Б. Смирнов // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 4. — Волгоград, 2005. — С. 89–95.

3.2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ СКАЗКИ НОВАЛИСА «ГИАЦИНТ И РОЗОЧКА»

Скляр Наталья Владимировна

*канд. филол. наук, доцент,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Украина, г. Луганск*

Безверхая Инна Викторовна

*преподаватель,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Украина, г. Луганск*

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSIVENESS IN NOVALIS'S FAIRY TALE «HYACINTH AND ROSEBLOSSOM»

Natalya Sklyar

*candidate of Philological Sciences, assistant professor,
Taras Shevchenko National University of Luhansk,
Ukraine, Luhansk*

Inna Bezverkhaya

*teacher, Taras Shevchenko National University of Luhansk,
Ukraine, Luhansk*

Аннотация. Данная статья посвящена роли языковых средств выразительности в немецкой романтической сказке Новалиса «Гиацинт и розочка». В статье рассмотрена классификация языковых средств и представлен результат комплексного анализа немецкой романтической сказки.

Abstract. This article focuses on the role of language means of expression in the German romantic Novalis fairy tale «Hyacinth and Roseblossom». The article deals with the classification of language means,

and shows the result of a comprehensive analysis of the German romantic tales.

Ключевые слова: литературная сказка; языковые средства выразительности; романтизм.

Keywords: literary fairy tale; language means of expressiveness; romanticism.

В настоящее время внимание многих исследователей привлекает такой литературный жанр как немецкая романтическая сказка. К этим произведениям можно отнести сказки Л. Тика, Э.Т.А. Гофмана, К. Брентано, Новалиса и многих других авторов. Материалом исследования в нашей статье послужила литературная сказка немецкого романтика Новалиса «Гиацинт и розочка». Дух поэзии, по его мнению, может быть воплощен лишь в сказочно-чудесном. Весь реальный мир он идентифицирует со сказкой. «Сказка — канон поэзии, а все поэтическое для него должно быть сказочным. Истинная поэзия может быть лишь большой аллегорией» [3, с. 56].

Отсюда мы видим стремление Новалиса к поэтизации. Сама сказка для него уже поэзия, но именно язык сказки является этим элементом, который роднит сказку и поэзию, так как романтическая сказка богата языковыми средствами, что и подтверждает приведенный анализ.

На первый взгляд романтическую сказку можно приравнять к детской сказке. Здесь говорят скалы, ручьи, птицы и растения. Влюбленные разделены для того, чтобы в конце воссоединиться. Действие происходит в прошлом, место действия является не определенным, герои выглядят как настоящие сказочные существа оба — прекрасны [4, с. 132].

Для того, чтобы глубже понять, какие языковые средства выразительности автор применял в сказках, мы рассмотрим классификацию языковых средств на основе сказки «Гиацинт и розочка».

Языковые средства выразительности — сердцевина художественной речи, именно благодаря им поэт может увидеть и подчеркнуть новые, неожиданные связи мира [1, с. 44]. Функционирование эпитетов, метафор, метонимий, гипербол, аллегорий, олицетворений, перифраз, сравнений способствуют созданию особой языковой выразительности в произведении.

Их отдельное рассмотрение позволит нам судить о своеобразии языковой выразительности немецкой романтической сказки.

Сравнение — это художественный прием (языковое средство), при котором образ создается посредством сравнения одного объекта с другим.

«Unter den Mädchen war eine, ein köstliches, bildschönes Kind, sah aus wie Wachs, Haare wie goldene Seide, kirschrote Lippen, wie ein Püppchen gewachsen, brandrabenschwarze Augen» [4, с. 132]. Здесь автор сравнивает красоту ребёнка с красотой куколки.

Следующим средством выразительности речи, часто наблюдаемым в сказке, является гипербола.

Гипербола (греч. «преувеличение») — образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления.

Так мы видим, что в сказке «von Hyazinth und Rosenblüte» явной гиперболой выступает отношение автора к главному герою. Он описывает его «очень молодым»: *«Vor langen Zeiten lebte weit gegen Abend ein blutjunger Mensch»* [4, с. 132].

Приведённый ниже пример показывает нам чувства героя, которые были выражены также с помощью гиперболы.

«Damals war Rosenblüte, so hieß sie, dem bildschönen Hyazinth, so hieß er, von Herzen gut, und er hatte sie lieb zum Sterben» [4, с. 133]. В данном предложении автор преувеличивает чувства героя, выражая их такими словами: «Он любил её до смерти».

Подобный пример мы видим в нижеупомянутом предложении.

«Sein Herz klopfte in unendlicher Sehnsucht...» [4, с. 133]. Здесь также наблюдается преувеличение чувств: «Его сердце колотилось в бесконечном стремлении».

Другую гиперболу мы наблюдаем в следующем отрывке.

«Nun ärgerte sich Hyazinth, und musste doch auch wieder aus Herzensgrunde lachen...» [4, с. 134]. Здесь Новалис преувеличивает, говоря о том, что Гиацинт был зол и должен был смеяться снова от всего сердца (всей душой).

Один из постоянных приемов изображения в сказках является олицетворение. Олицетворение — это особый вид метафоры-иносказания — перенесение черт живого существа на неодушевлённые предметы и явления.

Таким образом, данную стилистическую фигуру мы прослеживаем в нижеприведённом отрывке.

«Die Gans erzählte Märchen, der Bach klimperte eine Ballade dazwischen, ein großer dicker Stein machte lächerliche Bockssprünge, die Rose schlich sich freundlich hinter ihm herum, kroch durch seine Locken, und der Efeu streichelte ihm die sorgenvolle Stirn» [4, с. 135]. В данном

примере мы наблюдаем, что олицетворение как стилистическая фигура, связанная с «инстинктом» персонификации с помощью живого языка и с риторической традицией, присущей любой выразительной речи: гусь рассказывает, ручей звенел балладу, большой толстый камень делал прыжки через козла.

Отсюда следует, что употребляя стилистический приём, автор усиливает эмоциональное отношение читателя, существенно оживляет диалогическую речь героев, а тем самым сближает читателя с персонажами. «*Das Veilchen hatte es der Erdbeere im Vertrauen gesagt...*» [4, с. 135]. Как видим на примере данного предложения, автор обогащает речь, употребляя олицетворение: «Фиалка сказала по секрету это землянике». Еще один пример: «*...wenn das Eidechschchen geschlüpft kam, sich auf einen warmen Stein setzte, mit dem Schwänzchen wedelte und sang...*» [4, с. 135] – Ящерица виляла хвостом и пела.

Также автор в сказке употребляет большое количество эпитетов.

Эпитет выражает индивидуальное отношение автора по отношению к тому, что он описывает, его личную оценку. Это является сильным средством в руках писателя, который передает читателю его эмоции. Эпитет – это определительное слово или фраза, выражающие какое-то качество человека, вещи или события. Перечислим примеры с его употреблением: «*ein köstliches, bildschönes Kind*» [4, с. 132], «*einen langen Bart, tiefe Augen, entsetzliche Augenbrauen, ein wunderliches Kleid mit vielen Falten*» [4, с. 134], «*die süßeste Bangigkeit*» [4, с. 134], «*seinen frohen Eltern*» [4, с. 134], «*die Luft lau und blau*» [4, с. 135], «*süße Sehnsucht*» [4, с. 135].

Употребляя метафоры, автор существенно обогащает передаваемый смысл в сказке.

Метафора (греч. «перенос») – это слово или выражение, употреблённое в переносном значении на основе сходства или контраста в каком-либо отношении двух предметов или явлений. Мы наблюдаем метафору в следующем предложении:

«*...wenn ich an die alten Zeiten zurück denken will, so kommen gleich mächtigere Gedanken dazwischen...*» [4, с. 133]. Автор показывает этим приёмом то, что герой хотел вспомнить былые времена, но мысли не давали ему покоя.

Вот ещё один пример, который подтверждает данный стилистический приём: «*Anfänge kam er durch rauhes, wildes Land, Nebel und Wolken warfen sich ihm in den Weg...*» [4, с. 134]. С помощью метафоры, автор пытается показать или выразить преграды, которые сложились на пути героя.

В нижеупомянутом примере, автор подобным образом выражает чувства героя в переносном смысле.

«...wärmer die Luft, und heißer seine Liebe, die Zeit ging immer schneller, als sähe sie sich nahe am Ziele» [4, с. 135]. В данном контексте автор имеет ввиду его сильную искреннюю любовь.

В рассмотренном нами примере автор охарактеризовывает чувства героя метафорой.

«*Sein Herz klopfte in unendlicher Sehnsucht...*» [4, с. 135]. Новалис хотел передать читателю волнения героя.

Следующим средством выразительности речи является мейозис, который, по определению М.П. Брандес, является стилистическим средством для выражения умышленно-чрезмерного уменьшения свойств предмета или явления [2, с. 187]. Это средство экспрессивно окрашивает текст сказки.

С помощью мейозиса умышленно уменьшаются свойства героев.

«*Ein Veilchen hatte es ihnen zuerst gesagt, die kleinen Hauskätzchen hatten es wohl gemerkt*» [4, с. 133].

«*Endlich hat jener sich fortgemacht, doch dem Hyazinth ein winziges Büchelchen dagelassen, das kein Mensch lesen konnte*» [4, с. 134].

В этих случаях мейозис способствует достижению сдержанности соображения, мысли, осторожность речи.

Средством риторического уменьшения выступает литота. Литота (от греч. Litotēs – простота, умеренность) является структурной разновидностью мейозиса и выступает приемом выражения уменьшения качественного признака путем его полного или частичного отрицания [6, с. 335]. В структуру этой фигуры вводится отрицание «nicht».

По определению В.Е. Хализева, источник выразительности литоты то же самое, что и в гиперболе – нарушение размеров, но не в сторону увеличения, а в сторону уменьшения [5, с. 107].

В проанализированном материале литота встречается нечасто. «*Er grämte sich unaufhörlich um nichts und wieder nichts ...*» [4, с. 131].

В приведенном примере можно заметить сдержанность рассуждения, которая проявляется благодаря использованию литоты. Встречается уменьшение качественного признака путем его частичного отрицания.

В ходе исследования выяснено, что языковая картина сказки, особенно немецкой романтической сказки, без языковых средств выразительности – бедна и, даже, можно сказать, невозможна. Язык романтизма является литературным, с тенденцией к усложнению языковых конструкций. Большое внимание уделяется образованию сложных метафорических образов. Используя в литературной сказке языковые средства выразительности, автор делает картину более яркой, выразительной. На основе рассмотренного материала можно

утверждать, что Новалис в своей сказке «Гиацинт и розочка» активно использовал такие языковые средства, как метафора, гипербола, сравнение, аллегория, эпитет, мейозис.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры: сборник / Н.Д. Арутюнова. – М.: Спб, 1990. – С. 44
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1994. – 289 с.
3. Дмитриева А.С. История зарубежной литературы XIX века / А.С. Дмитриева. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 637 с.
4. Крайнова Л.Е. Хрестоматия по немецкой литературе / Л.Е. Крайнова. – СПб.: КОРОНА – Век, 2009. – 352 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. / В.Е. Хализев – М.: Высш. школа, 2002. – 437 с.
6. Ярцева В.Н. Лингвостилистический энциклопедический словарь. / В.Н. Ярцева. – М.: Советская энцикл., 1990. – 683 с.

ТРЕТИЙ КОНГРЕСС ПИСАТЕЛЕЙ МССР И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 60-Х ГОДОВ

Ченуша Фелиция Евгеньевна

*канд. филол. наук, научный сотрудник,
Академия Наук Молдовы, Институт Филологии,
Республика Молдова, г. Кишинев*

THE 3RD CONGRESS OF WRITERS OF THE MOLDAVIAN SOVIET SOCIALISTIC REPUBLIC AND THE ARTISTIC AND PUBLICIST MASTERPIECES OF THE 60'S

Felicia Cenusu

*candidate of Philology, research scientist,
Academy of Sciences of Moldova, Institute of Philology,
Republic of Moldova, Chisinau*

Аннотация. В данном исследовании автор рассматривает проблемы, обсужденные на Третьем конгрессе писателей МССР и его вклад в развитие прозы и публицистики 60-х годов. Конгресс призвал к совершенствованию художественного мастерства писателей, повышению интеллектуальности стиля произведений, проблематизации и обогащению новыми приемами отражения происходящих в обществе событий.

Abstract. In this study, the author refers to the problems discussed during the 3rd Congress of Writers of MSSR and its contribution to the development of the prose and publicist writings of the 60's. The Congress advocated for polishing the artistic mastery of the writers, for the intellectualization of the style of writings, for problematization and enrichment with new techniques of presentation of the events existing in the society.

Ключевые слова: проза; публицистика; художественное мастерство; догма; социалистический реализм.

Keywords: prose; publicist writing; artistic mastery; dogma; socialist realism.

Среди событий особого исторического значения, которые предшествовали движению Национального возрождения в Бессарабии, был Третий конгресс Союза писателей, который прошел 14-15 октября 1965 г. Материалы Конгресса, прочтенные с точки зрения сегодняшнего дня, представляют нам ясную картину борьбы против официальной догмы и неправды, скрытой за такими лозунгами, как «пролетарский интернационализм», «дружба народов», «свобода творчества»[1, стр.7].

В ответах на опросы, проведенные перед Конгрессом журналами «Днестр» и «Культура», подчеркивалась необходимость оценки литературных произведений с точки зрения художественных требований и собственного стиля писателя, что приводило к отделению от порочной практики пролеткульта и оксюморонного социалистического реализма, требующих схематизма, отражения того, что было типично для нового человека и менее типично в общечеловеческом смысле.

Достаточно актуальной проблемой для румынской культуры в Бессарабии, которая рассматривалась на Конгрессе, была проблема освоения классиков, что являлось императивом того времени. В течение достаточно длительного периода классики румынской литературы считались представителями буржуазной литературы, а их произведения были категорически запрещены в Бессарабии. Их

повторное издание, даже с учетом определенных догматических ретушей, должно было привести к возвращению румынской культуры в пространство между Прутом и Днестром, длительное время лишенное ее.

Одной из ключевых проблем на повестке дня Конгресса была проблема языковой ситуации в Бессарабии, касавшаяся как письменного, так и разговорного языка. Единственным спасительным решением, предложенным писателями, был переход к естественному облику румынского языка – латинской письменности.

В своей речи писатель Ион Друцэ охарактеризовал румынский язык в бессарабском пространстве как находившийся под нашествием «деревянного» языка и русизмов. «И речи не может быть о русском или молдавском языке, это бесцветная смесь, в которой увязли наши села. Я считаю нашим святым долгом, долгом писателей и средств массовой информации найти и развивать его»[1, с.11].

Продолжали обсуждать и проблему литературного мастерства, художественной формы, не только содержания. Кроме того, был поставлен вопрос о проблематизации в литературе.

Естественно, что правда была необходимостью в режиме обобщенной лжи. Новая, инициированная Конгрессом литературная политика открыла привлекательный коридор для писателей с критическим настроем. Это был коридор литературы, пользующейся большим успехом у читателей, по которому пошли добросовестные писатели, а также те, кто пожелал легко завоевать симпатию критиков, уставшие от ежедневной лжи властей, довольствующиеся жалкими крошками правды.

И тем не менее, как литературная проза, поэзия, так и публицистика 60-х годов, скрытно полемические по своей сути, были оппозиционной силой перед псевдоэстетичной идиличностью и схематизмом предыдущих лет. После предосудительного насилия бессарабская литература набралась новых сил и значительно обогатилась.

Психологический анализ, внутренний монолог, дневник, эссе, парабола, миф, символ – все это приближает повествование к повествованию писателей из Румынии. Чтение Фолкнера, Пруста, Кафки приводит к модернизации художественного стиля писателей и успешно используются в прозе. В результате в свет вышли такие книги, как «Бремя нашей доброты» (1968 г.) Иона Друцэ, традиционалистический роман, где автор больше был склонен к отступлению в природу и в легендарное прошлое в ответ на кризис ценностей, с которыми сталкивалась та эпоха, «Прерванный полет»

(1966 г.) Владимира Бешляги, созданный в стиле романов Пруста, «Один перед любовью» (1966 г.) Аурелия Бусуйока, в котором автор пытается устранить условность схематического метода предыдущей прозы посредством развития приемов ведения личного дневника, «Сказка с красным петухом» (1966 г.) Василия Василаке, роман, в котором присутствуют явные постмодернистские оттенки.

Объективное внешнее единство старого романа, линейный состав которого регулировался хронологическим временем – все это потерпело крах. Делается акцент на определенные субъективные состояния, прислушиваются к субъективной логике, материализовавшейся в самом строении произведения. Проза выиграла как в том, что касается интеллектуализации стиля, самого выражения, так и в методологии повествовательной речи. Она выдержала экзамен современной европейской критики, что указывает на зрелость жанра румынской прозы в Бессарабии, на владение эстетикой и расположенность к новым исследованиям и критическим открытиям.

Кажется, что румынский роман Бессарабии 60-х годов, рассмотренный под разными аспектами, оставляет слишком мало места для критического экзамена. Может быть, именно поэтому мало абсолютно новых комментариев, так как критика спорадически и неравномерно чувствует потребность в обновленном пересмотре этого повествовательного жанра. Исследования, проведенные до настоящего времени над прозой, романом в особенности, касались строго человеческого, морального и психологического аспектов, а аспект повествовательной техники рассматривался слишком обобщенно.

В области писательской публицистики свежий дух приносит Серафим Сака с собранием интервью с писателями, артистами, сценаристами, критиками искусства и т.д., посредством поднятия проблем в своей книге «Здесь и сейчас» (“Aici și acum”).

Стоит отметить способность и ловкость, с которой интервьюер задает вопросы, поддерживает диалог и возвращает его при необходимости в русло темы, настойчивость, с которой он ищет новые точки для более обширного рассмотрения вопроса. Даже если миссией литературной публицистики не было нахождение решения проблемам, а лишь проблематизация, Серафим Сака в своих интервью предлагает и решения обсуждаемых проблем, выделяет их из посланий интервьюируемых.

Кроме того, автор ведет читателя в лаборатории интервьюируемых, создателей духовных и материальных ценностей, следит за их душевными терзаниями. Таким образом читатель расширяет свои

знания в различных областях, выявляя для себя менее известные или совсем неизвестные вещи, понимая смысл труда творческих людей.

Отдельное внимание обращает Серафим Сака на борьбу с инерцией, которую ведут некоторые люди творческих профессий. Значительным в этом отношении является фрагмент интервью с кинематографистом Эмилем Лотяну: «Быть Человеком, который, оказывая сопротивление конъюнктуре, превращает свой способ мышления и существования в Стил! Отсюда исходит только целостность и органическая оригинальность Стиля. Человек – это Стил, как говорил скупой на изречения англичанин» [2, с.31]. Или в другом месте:

Серафим Сака: «Какие критики больше всего нравятся: литературные, немного скупые, или кинематографические – слишком щедрые?»

Эмил Лотяну: «Талантливые. Те, которые, как и мы, занимаются творчеством. Хочешь еще одно признание? Мне кажется, что я стал неприступным для стрел (пусть и отравленных) критики. Меня хвалят за это и крепкожимают руку. Растем, нет?»

Серафим Сака: «В любом случае, уже не стоим на месте. Уже не стоим» [2, с.32].

О состоянии послевоенной бессарабской прозы узнаем из интервью с писателем Владом Иовицэ:

«Да, у нас есть качество. Очень хорошее качество. Мы знаем, научились лаконично выражаться. Наши народные шедевры, к слову, могут стать примером в этом отношении. И не напрасно. Боль, какой бы сильной она ни была, мысль, какой бы крылатой и глубокой она ни была, и даже эпическая ситуация, какой бы эпической она ни была, не нуждается в километрах слов и неограниченном пространстве для того, чтобы художественно воплотиться.

Может быть, когда-нибудь наш роман дойдет до эпоса. Пока что я вижу современный молдавский роман как конгломерат новелл, более или менее успешных, объединенных поэтической атмосферой, а не романской структурой. Когда я это утверждаю – немного упрощенно и поддерживаемый одной интуицией, я не хочу сказать, что мы не дойдем до романа как такового. Те несколько примеров, которые у меня есть, говорят в пользу этого» [2, с.43].

Как видно, часть рассмотренных на Конгрессе проблем сразу отразились как в прозе, так и в публицистике. Эта тяга к исторической истине, к художественному мастерству породила качественные произведения, раскрывающие схематизмы социалистического общества.

Новая политика, проводимая в середине 60-х годов, открыла подходящий путь для писателей с творческим духом. И тем не менее, ситуация оставалась неподходящей для писателей, которые заботились о первостепенном конфликте индивидуума с властью и считали, что их долг состоит в том, чтобы оставить свидетельство о состоянии безнадежности страны, не отклоняться от традиционной роли писателя – быть сознанием нации в смутные времена.

Если они хотели как можно больше углубить психологию *homosovieticus*, внимательно проанализировать механизмы власти и ее сложные отношения с индивидуумом при помощи свойственных литературе средств, для этого в распоряжении писателей было не так много средств.

Список литературы:

1. Bahnaru V., Cojocaru Gh. Congresul al III-lea al Uniunii Scriitorilor din RSS moldovenească (14-15 octombrie 1965). Studiu și material. – Chișinău, 2016.
2. Saka Serafim. Aicișiacum. Confesiuni asupra profesiunii de credință. – Chișinău, 1976.

РАССУЖДЕНИЯ В ЖАНРЕ ЭССЕ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕРАФИМА САКА

Ченуша Фелиция Евгеньевна

*канд. филол. наук, научный сотрудник, Академия Наук Молдовы,
Институт Филологии,
Республика Молдова, г. Кишинев*

ESSAY REFLECTIONS AND VOCATION FOR PROBLEMATIZATION IN THE WRITINGS OF SERAPHIM SACA

Felicia Cenusu

*candidate of Philology, research scientist,
Academy of Sciences of Moldova, Institute of Philology,
Republic of Moldova, Chisinau*

Аннотация. В данном исследовании автор рассматривает румынскую литературу Бессарабии послевоенного периода, в особенности прозу известного прозаика и публициста Серафима Саки, который находился в оппозиции не только к псевдо эстетичной идилличности и схематизму многих произведений того периода, но и к традиционной прозе в общем. Автор доказывает неоспоримую склонность к проблематизации, сосредотачивается на этико-умственных дебатах, находя в событиях и персонажах причину для интеллектуальных рассуждений в жанре эссе.

Abstract. In this study the author refers to the Romanian literature in Bessarabia, in the post-war years, especially to the prose of Serafim Saca, a famous prose-writer and publicist who was in opposition both to the pseudo-esthetic idyllic and schematic nature of many texts written in that period, and with the traditionalist prose in general. The author shows an incontestable vocation for problematization, focusing on the ethical-cerebral debates, finding in events and characters the reason for intelligent essay reflections.

Ключевые слова: лиризм; психологизм; эссеистика; диалог; интроспекция.

Keywords: Lyricism; psychologism; essay; dialogue; introspection.

Серафим Сака родился в селе Ванчикэуць Черновицкой области в 1935 году. Окончил среднюю школу в родном селе, затем Кишиневский педагогический институт и Курсы кинематографии в Москве. Работал педагогом и журналистом. Его дебют состоялся в 1956 году в Кишиневской прессе. А в 1966 г. в издательстве «Лумина» вышла в свет его первая книга рассказов «Было поздно», затем, в 1972 г., последовал роман «Таможни», повторно изданный в Бухаресте в 1990 году. В 1976 г. увидел свет том публицистики «Здесь и Сейчас». В 1987 вышел его второй роман «Ватерлиния», повторно изданный в Бухаресте в 1993 году.

Помимо того, что Серафим Сака является оригинальным публицистом и каждая его статья или интервью читается с огромным интересом, он также вызывает восхищение как автор новелл и романов, что подтверждается книгами «Было поздно», «Таможни» и «Ватерлиния».

Проза Серафима Саки, безоговорочно полемичная, является вызовом не только псевдо эстетичной идилличности и схематизму и доминирующей во многих произведениях послевоенного периода пропаганде, но также обыденности традиционного романа. Один из основных приоритетов его прозы относится к этико-умственным

дебатам, которые включают в себя сложность и яркие оттенки, полутьнь и свет, самонаблюдение и анализ. Что касается организации эпического события, повествовательной речи, автор чаще всего выбирает жанр эссе, предметом анализа которого является человек и экзистенциальная реальность. Показательным в данном отношении является роман «Таможни» (1972 г.).

Повествовательная формула, характерная для романа «Таможни» (как, в принципе, и для его рассказов) была отмечена критиком Андреем Цуркану сразу после появления произведения: «Вот прозаик, который, экспериментируя с новыми возможностями прозы, посредством своего стиля почти в открытую объявляет себя оппонентом Друцэ. Такое отношение вполне естественно и указывает не столько на отрицательное отношение, сколько на поиск оригинального эпического опыта» [1, с.137]. Автор избегает лирики, отдавая приоритет психологизму. Более того, он подчеркивает суть эссе, склонность к размышлению и концептуализацию сюжета, ориентируется на проблематичность и вводящие в заблуждение душевные состояния, его работы относятся к категории романа, побуждающего к размышлению.

Центральный персонаж романа – архитектор Делаоанча, чей проект строительства «заморозили» в самом разгаре. Эта неудача глубоко влияет на развитие персонажа. «Замораживание» проекта является отправной точкой в очистке собственного сознания, предполагаемой виновности персонажа; он в поиске собственной личности. Самовольное решение властей порождает во внутреннем мире персонажа настоящий сознательный процесс. Презумпция виновности, из которой исходят те, кто «заморозил» его проект, вступает в противоречие с вердиктом его собственного сознания. Следовательно, создается напряженное отношение между внутренним и внешним мирами, и главный герой оказывается под знаком определенного проклятия, что является результатом несовместимости между его внутренним ритмом и внешним, социальным ритмом. «Океан» главного героя «поворачивается» то к самому себе, то к реальности и тем самым является необходимым инструментом сознания, находящегося в поисках внутренних, скрытых рессор наступления событий и выявления причин и их следствий.

Главный герой оказывается в абсолютной неопределенности: над ним диалектически висят года, которые «грызут его», и в то же время он отдает себе отчет в том, что «больше не должен делать то, что ему хотелось бы продолжать». Все же он не отказывается от своих идеалов и пытается противостоять времени, так как иное означало бы, что он «постарел». «Таможенные пошлины», которые он должен оплатить – это замыкание в себе и «бойкотирование отношений с другими»; отказ

от состояния «манекена-оппортуниста» благодаря концентрации этического характера; борьба с самим собой.

Попыткой пройти эти «таможни» является «бегство» в идеалы своих моральных догм. Анализируя собственное избегание болезненного противостояния, он выявит, что в реальности сбежал, «только его бегство было другим – он оказался слишком далеко впереди, и поэтому сейчас он должен был «сдать назад». Не из-за страха. Было еще кое-что. Смутное предчувствие того, что нечто, так долго державшее его в некоем корсете, сломалось. Над ним доминируют чувства неопределенности и небезопасности, и это результат деятельности агрессивных элементов, порожденных в глубине всего сущего, окружающего его, или нечто, исходящее из социальных отношений, которое угрожает его «месту и качеству», предоставляемым человеческими атрибутами.

Даже если морально он не сдастся в борьбе с властью, в конечном счете он решается на определяющую встречу с представителем властей, Клокотом, главным архитектором, будучи уверенным в противостоянии, которое не будет разглашено читателю. Он отказывается от диалога с миром. Он хочет освободиться от предрассудков и опасных игр и обрести абсолютную свободу, которой он так долго добивался, пока зависел от других.

Гологан, бывший друг Деланоанчи, образует с ним идеологически контрастирующую пару, но без антагонистских конфликтов. В отличие от Деланоанчи, это тот человек, который скрывает свое самозванство и мерзость за лестью и офисной дипломатией. Это полностью «обработанный» властью человек.

Таким образом, у персонажей нет судьбы, они скорее являются символами, указывающими на судьбу.

Автор отказывается предлагать способ разрешения неопределенностей своих героев. Он не верит в существование единого решения и не согласен с таким выходом из положения. Он сознательно избегает искусственности простого решения, присутствующего во многих предыдущих романах, и вызывающе преследует приведение в исполнение постоянного вопроса, присущего современному человеку. В центре находится драматичное, проблематичное, а не событие как таковое.

Доминирующее измерение романа захватывает, что придает событиям вид театрального представления. Произведение содержит серию диалогов, местами автор, обрывая диалог между героями, вставляет короткие повествовательные отрывки, из которых мы узнаем необходимый минимум того, что было до начала действия романа, прошлое героев. Диалоги выполняют эпическую функцию, так как за их пределами мало событий. Диалогичность поддерживает желание

прояснять факты, которые долгое время умалчивались. Хотя моменты размышления и присутствуют в монологе, они являются выражением доминирующего голоса автора. Таким образом, автономия персонажей достигается только во время живого обмена репликами. Автор принимает облик режиссера, который ставит классические пьесы в современном видении, приглашая читателя воссоздать общую картину из этих фрагментарных данных.

Обмен репликами, парадоксы, игра слов поддерживают стремление автора к структурированию вселенной романа.

Как известно, хорошая (и оставшаяся в арсенале вечных ценностей) литература никогда не давала практических решений. Не дает их и роман «Таможни». Но он доказывает, что автор находит в событиях и персонажах причину для интеллектуальных размышлений, доказывая неоспоримую тягу к проблематизации.

Список литературы:

1. Andrei Țurcanu. Vămile // Nistru. – Chișinău, 1973, nr.3.

3.3. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»

Данилова Елена Гарриевна
преподаватель, МГУ им. Ломоносова,
РФ, Москва

THE THEME OF LONELINESS IN TOLSTOY'S STORY “DEATH OF IVAN ILYICH”

Elena Danilova
teacher, Moscow State University,
Russia, Moscow

Аннотация. В настоящей работе представлена краткая характеристика культурно-исторической специфики России конца XIX – начала XX веков. Акцентируется внимание на том, что в стране произошел ряд социально-экономических изменений, приведших к утрате человеком почвы под ногами, в результате чего его привычным мироощущением становится чувство одиночества, затерянность, заброшенность. Делается вывод о том, что тема одиночества также нашла отражение и в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», главный герой которой переживает отчуждение не только от общества, но и от членов собственной семьи.

Abstract. The current article presents a brief description of the cultural and historical specifics of Russia in the late XIX –early XX centuries. It is emphasized that the country has seen a number of social and economic changes, which led to lose of confidence in the nearest future. As a result of his natural feelings are loneliness, frustration and abandonment. The conclusion is that the theme of loneliness also found its reflection in the novel “The death of Ivan Ilyich ”. The main character of the story falls alienated both from the society and his family.

Ключевые слова: взаимодействие; ценности; одиночество; отчуждение; смерть; жизнь; бытие.

Keywords: interaction; values; loneliness; alienation; death; life; existence.

Человек, будучи существом социальным, немислим вне взаимодействия с другими людьми: за свою жизнь он образует множество связей, утрачивает и переосмысливает их с тем, чтобы установить новые отношения, свободные от прежних недостатков. Внешнее проявление человеческой активности обусловлено потребностью в присутствии других, в отрыве от которых утрачиваются как позитивные, так и негативные функции, опосредующие его бытие. Стоит обратить внимание на то, что нуждаемость в социальных контактах вовсе не означает, что человеку необходимы люди вообще.

Напротив, он ищет кого-то такого (и кого-то таких), чья система взглядов, норм и ценностей была бы созвучной собственному мироощущению. И если результаты поисков по каким-то причинам не устраивают, человек разрывает связи и отграничивается от внешнего мира, замыкаясь в рамках своего одиночества. Как следует из содержания толкового словаря, составленного С.А. Кузнецовым, одиночество – это состояние человека, характеризующееся оторванностью от окружающих, осознанной или вынужденной изоляцией от общества, утратой привычных связей с кем-либо или чем-либо [2, с. 722].

Говоря иначе, одиночество – это отчуждение. Данная проблема становится особенно актуальной в пограничные эпохи, каким, например, был конец XIX – начало XX века в России. Для данного периода характерен разрыв связей – социальных и психологических, в результате чего люди потеряли привычную опору: прежний уклад жизни больше не мог удовлетворить потребности человека, в то время как новый еще не сложился. В условиях обозначенных противоречий, комментирует автор учебного пособия «Диалоги на границах столетия» В.В. Заманская, человек остается с миром один на один [3].

Характерным для ощущения людей рубежа веков является чувство заброшенности, затерянности, отчуждения, незащищенности ни перед масштабом социальных потрясений, ни перед глобальностью проблем. Закономерно, что мастера художественного слова не могли не отразить в произведениях всеобщей трагичности бытия. Именно поэтому в их творчестве поднимаются «вопросы о смысле жизни, о смерти, об утрате личностью ценностных ориентиров, потере своего «Я», власти над обстоятельствами, о скорби, страхе и путях их преодоления» [1, с. 3]. В своей совокупности данные вопросы

образуют более широкий перечень проблем: «мужество жить, вера и безверие, воля и смысл бытия, бытие перед лицом Ничто» [1, с. 3].

Направления тем, осмысляемых писателями, и индивидуальная мера воплощенности у всех прозаиков различны. Однако универсальным становится то, что анализируемая проблема присутствует во многих произведениях как часть общей концепции искусства, творчества, бытовой жизни. На это указывают материалы исследований Б.И. Зингермана, В.Б. Катаева, В.Я. Лакшина, М.Ф. Мурьянова, З.С. Паперного, В.Д. Седегова, А.П. Чудакова и др.

Не обойдена тема одиночества одним из величайших русских писателей и мыслителей Л.Н. Толстым, о чем свидетельствует содержание повести «Смерть Ивана Ильича», работу над которой он осуществлял в период с 1882 по 1886 годы. Акцентируем внимание на том, что в творчестве писателя 80-е годы традиционно рассматриваются как поворотный период. В частности, в 1881 году он переезжает вместе с семьей в Москву. Наблюдения писателем окружающей действительности приводят к потрясению, источником которого стали «острые социальные контрасты городской жизни» [4].

Результат коренной переоценки ценности мыслителя – напряженный поиск истины: «Художественным выражением кризисного состояния, в котором оказывается большинство героев поздних произведений Толстого, становятся сквозные мотивы ухода, мучительного переосмысления пройденного пути, деформации привычной шкалы ценностных ориентиров» [4].

Подобную деформацию испытал и Иван Ильич. Общеизвестно, что прототипом главного героя повести стал его тезка, И.И. Мечников, служивший прокурором в Тульском окружном суде и умерший в 1881 году. Знавший покойного лично, Л.Н. Толстой характеризовал его как человека незаурядного, который, однако же, сам считал свою жизнь бесплодной. Автор произведения мастерски изобразил жизнь своего героя и мучительный процесс умирания. После опубликования повести писатель получил немало положительных откликов.

По тем или иным поводам на текст произведения ссылались множество знаменитых людей, в числе и русский философ, литературовед Л.И. Шестов, который в статье «На страшном суде» назвал отчуждение главного героя совершенным одиночеством. И это действительно, так ибо в повести «наиболее полно передано состояние одиночества человека перед лицом смерти, его отстраненность от привычного некогда обыденного хода жизни, ее непонимание» [6, с. 127].

Итак, для того чтобы проследить, как раскрывается в произведении Л.Н. Толстого тема одиночества, обратимся к его

содержанию. Согласно тексту впервые об одиночестве говорится в главе II, с которой начинается описание эволюции представлений главного героя о жизни. По истечении семи лет службы он был переведен в другую губернию. Но Прасковье Федоровне, его жене, не понравилось новое место по причине дороговизны жизни. Кроме того, у них умерло двое детей. Все это не могло не сказаться на характере взаимоотношений супругов.

Какая бы тема разговоров между ними ни возникала, она практически всегда завершалась ссорами. В результате муж и жена погрузились в состояние скрытой вражды, «выражавшейся в отчуждении друг от друга» [5, с. 135]. Примечательно то, что отчуждение не вызывало огорчения главного героя, поскольку он считал подобное положение вещей нормальным. Более того, Иван Ильич сделал его даже целью семейной жизни, которая заключалась в освобождении от всего, что могло тяготить. Отсюда он стал меньше проводить времени с семьей либо старался общаться в присутствии гостей.

О том, что главный герой избегал одиночества, мы узнаем из содержания главы III. В тексте сказано о том, что Иван Ильич занимался обычными делами: после обеда читал либо разбирал бумаги. Это не вызывало у него никаких эмоций, в то время как настоящей скукой он считал игру в винт. Те вечера, которые обходились без карточной игры, были хорошими: «это было все-таки лучше, чем сидеть одному или с женой» [5, с. 141].

Но если все это время Иван Ильич избегал одиночества как чего-то неприятного, то затем он стал бояться остаться один на один со своей болью. Так, в главе IV говорится: болезнь серьезно изменила главного героя, что также стали замечать окружающие. Играя в роббер, он видел, что его партнеры стали молчаливыми и мрачными, потому что понимали: Иван Ильич болен. От болезни действительно нигде не было покоя – ни на службе, ни дома. Поэтому жизнь превратилось в нескончаемое мучение: «И жить так на краю погибели надо было одному, без одного человека, который бы понял и пожалел его» [5, с. 148].

Его действительно никто не жалел, хотя жена регулярно справлялась о здоровье, но ее интерес был формальным. Подходила к нему и дочь, но она также была поглощена своими заботами – отношениями с кавалером. Следовательно, главный герой ни в ком не мог найти сочувствия: «Одному ужасно тоскливо, хочется позвать кого-нибудь, но он вперед знает, что при других еще хуже» [5, с. 160]. Об этом говорится в главе VIII.

Исходя из содержания главы IX, становится понятно, что с каждым днем боль усиливалась, несмотря на употребляемые лекарства. Она была тем нестерпимей, что Иван Ильич ни в ком не мог увидеть искреннего сочувствия. Исключение составлял лишь один Герасим, который спокойно переносил все капризы хозяина. Видя, что тому действительно становилось легче в конкретной позе, слуга держал ноги Ивана Ильича у себя на плечах – повыше.

Мучимый не только изнурительной болью, но и отчаянием, умирающий хозяин заплакал: «Он плакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости бога» [5, с. 164]. В отличие от Герасима, другой слуга, Петр, был бесчувственным: он механически выполнял приказания хозяина, не проявляя сочувствия. Но даже за него Иван Ильич хватался, как утопающий за соломинку: «Петр пошел к выходу. Ивану Ильичу страшно стало оставаться одному» [5, с. 158]. Но слуга ушел, а хозяин «оставшись один, застонал не столько от боли, как она ни была ужасна, сколько от тоски» [5, с. 158].

Из главы X мы узнаем о том, что Иван Ильич силился постичь логику смерти, но она не могла быть разрешенной: внутренний голос говорил, что предсмертные страдания были «так, ни зачем». Он по-прежнему «одиноко страдал» [5, с. 166]. Размышляя о прожитом, главный герой пришел к выводу о том, что был одинок не только в многолюдном городе, но и среди знакомых и своей семьи: «В последнее время того одиночества, в котором он находился, лежа лицом к спинке дивана, того одиночества среди многолюдного города и своих многочисленных знакомых и семьи, – одиночества, полнее которого не могло быть нигде: ни на дне моря, ни в земле, – в последнее время этого страшного одиночества Иван Ильич жил только воображением в прошедшем» [5, с. 166].

На основании проведенной работы сделаем вывод о том, что тема одиночества раскрывается через систему сенсорных кодов, подавляющее большинство которых обозначает эмоциональное состояние: а) страх, б) жалость, в) тоска, г) страдание. Тремя примерами представлены случаи тактильных ощущений: а) боль, б) плач, в) дискомфорт (от присутствия жены). Двумя примерами представлены случаи зрительного ряда: а) многолюдный город, б) многочисленные знакомые и семья. Также два примера случаев пространственных границ: а) дно моря, б) земля. Один пример обозначения морально-психической черты: а) жестокость.

Итак, все сказанное выше дает основание подвести итог: в жизни и смерти главного героя тема одиночества является важнейшей: «В

едином процессе деформации психики сливаются процесс физического умирания героя и процесс отчуждения от людей» [3, с. 106]. Одиночество умирающего становится тем пусковым механизмом, который приводит к рождению особого сознания – внутреннего исповедального состояния, когда ничто не остается скрытым.

Список литературы:

1. Башилова Е.И. Проблема отчуждения и способы ее художественного воплощения в рассказах А.П. Чехова 1880-х годов: автореферат дисс. ... канд. филологических наук. – М., 2011. – 22 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
4. Ничипоров И.Б. Поздний период творчества Л.Н. Толстого // Слово: образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44848.php>. – Дата обращения: (15.11.2016).
5. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича: Повести и рассказы / Сост., вступ. статья, коммент. Э. Бабаева. – Л.: Худож. лит., 1983. 160 с.
6. Феленкова Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. № 4(258).

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДРЕВНИЕ ШЛЯПКИ» В БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Бекрешева Лариса Алексеевна

*старший преподаватель,
Луганский национальный университет им. В. Даля,
ЛНР, г. Луганск*

LEXICAL-SEMANTIC GROUP "ANCIENT HATS" IN THE BRITISH LANGUAGE CULTURE

Larisa Bekresheva

*senior Teacher, Lugansk National University named after V. Dahl,
LPR, Lugansk*

Аннотация. В статье освещен результат исследования лексики, именующей «древние шляпки» в языковой картине Британии, представленный в виде тематической лексико-семантической группы, полученной методом сплошной выборки.

Abstract. The article highlights the result of studying of vocabulary that names "Hats" in the British linguistic world-image, presented in the form of thematic lexical-semantic group, obtained by continuous sampling.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; знаковая система; лексико-семантическая группа; парадигма; видовые номены.

Keywords: lexical-semantic field; sign system; lexical-semantic group; paradigm; specific nomens.

Лексико-семантическая система – одна из самых сложных знаковых систем, что обусловлено многомерностью ее структуры, неоднородностью ее единиц, разнообразием отраженных в них отношений и открытостью для постоянного пополнения новыми единицами (словами и значениями).

Одной из центральных проблем современного языкознания является проблема системной организации лексического состава языка. Традиционно исследование лексической системы языка проводится в форме выявления лексических групп разного типа и объема, близких по значению – так называемых, *парадигм*. Наибольшим парадигматическим объединением является *лексико-семантическое поле*.

Основная парадигматическая особенность слов одного *лексико-семантического поля* заключается в том, что во всех номенах имеется единая категориальная лексическая сема, которая может задавать какие-то определённые аспекты своего уточнения. Так категориальная сема «одежда» уточняется в следующих аспектах: «верхняя одежда», «нижняя одежда», «мужская одежда», «женская», «детская», «зимняя», «летняя», «модная одежда» и т.д. Таким образом, мы наглядно видим, что лексико-семантические поля могут состоять из различных внутренних парадигм, представленных разнообразными классами лексических единиц – *лексико-семантическими группами*, тождественными по тем или иным смысловым признакам.

Под *лексико-семантической группой* будем понимать тематическую группу слов, объединенных общностью категориально-родовой семы (*архисемы*) и общностью принадлежности к одной части речи [3, с. 78].

Объединение лексических единиц в группу происходит в силу сходства или общности функций обозначаемых словами объектов и процессов. В таком случае номены *лексико-семантической группы* обладают широкой автономностью: утрата или синонимическая замена одного из слов парадигматической группы не проводит к изменению в значении или стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами данной группы. В этом смысле термин *лексико-семантическая группа* подчёркивает лишь смысловые значения входящих в её состав элементов [2, с. 198].

Тематические лексико-семантические группы являются важным звеном в описании словарного материала и изучение данных групп вполне закономерно может ограничиваться простой инвентаризацией конституирующих номенов. В нашей работе суммируется результат

исследования лексико-семантической группы «древние шляпки» в Британской языковой культуре.

Актуальность обращения к данной теме исследования обусловлена тем, что в британской культуре женские шляпки имеют почти тотемическое значение, являясь объектом ритуальных действий и практик, простирающихся во глубину веков. Так, в древности шляпы были связаны с обрядом погребения, так как считалось, что они осуществляют связь с потусторонним миром. Все головные уборы участников этого действия украшались орнаментом, считавшимся языком духов. Позже шляпы приобретают чисто практическое назначение и служат для защиты головы. В Средние века шляпы становятся атрибутом социального различия и попадают под влияние моды. С этих пор шляпы стало принято демонстрировать [1]. В Британии подобная демонстрация продолжается и сегодня.

Многие традиционные спортивные события Британии, такие как: Королевские скачки в Аскоте (Royal Ascot), регата в Хенли (Henley Royal Regatta), важнейшие матчи по крикету (Lords Cricket) и теннисный турнир в Уимблдоне (Wimbledon Tennis), являясь престижными светскими мероприятиями, имеют дресс-код, обязательным атрибутом которого является шляпка. Более того, Королевские скачки в Аскоте предполагают дефиле дам в шляпках с весьма солидным призовым фондом [4].

Немалый интерес к шляпкам проявляет современный кинематограф: для большей привязки содержания фильма к определенной исторической эпохе, режиссеры уделяют особое внимание костюмам героев, где шляпка играет важную роль.

Учитывая особое значение этого предмета гардероба, мы попытались систематизировать лексику, именующую женские шляпки Британии, в исторической ретроспективе. Лексико-семантическая группа «древние шляпки» представляется нами в виде хронологически классифицированных парадигм с иллюстрациями из ресурсов Интернет. (См. таблицы ниже).

Как известно, первым головным убором женщин был платок или шаль, так что первые женские шляпы – это попытка придать платку некую иную закрепленную форму, что и отразилось на материале и внешнем виде изделия. Также римские легионеры приносят в Британию собственно первый настоящий тип шляпы **петасос** (См. таблицу 1).

Таблица 1.

Парадигма номенов, именующих наиболее древние женские шляпки

	<p>Чепец (Coif) – мягкий головной убор, обхватывающий волосы. Был популярен с давних времен и до XIX в. Приобретал различные объёмы и украшения: кружева, ленты и т.п.</p>
	<p>Худ (Hood) – капюшон, пришитый к вороту одежды для защиты от дождя и холода. Был элементом как мужской, так и женской одежды.</p>
	<p>Вимпл (Wimple) – головной убор из двух частей: повязка, плотно обхватывающая лоб и волосы, а также кусок полотна, облегающий шею и скулы и завязанный на темени. С XII в. нередко дополнялся длинной шалью.</p>
	<p>Шаперон (Charerone) – капюшон с пелериной и длинным свисающим хвостом – шлыком. Носился и мужчинами, и женщинами. Чем знатнее была владелица шаперона, тем длиннее был шлык.</p>
	<p>Петасос (Petasos) – плоская соломенная шляпа, носимая как мужчинами, так и женщинами как защита от солнца и дождя. Тулья шляпы украшалась шишаком. Носилась женщинами поверх покрывала или платка.</p>

Средневековье ознаменовалось первыми крестовыми походами, что повлекло взаимопроникновение элементов культуры разных

народов. Совершенствуется технология изготовления шляп, расширяется набор материалов и форм (См. таблицу 2). Важную роль начинает играть цвет: так цвет шляпок для простолюдинов остается белым, в то время, как знатные дамы имеют право на различные оттенки.

Таблица 2.

Парадигма номенов, именующих средневековые шляпки

	<p>Гейбл (Gable – пер. с англ. – двускатная крыша дома) – пятиугольный чепец на металлическом каркасе, который спереди закрывался плотной лентой, вышитой шелком, золотом и драгоценными камнями. Сзади прикреплялась черная вуаль или две черных ленты.</p>
	<p>Генин (Hennin) – головной убор на каркасе из китового уса, металла или накрахмаленного полотна в виде конуса. К верхушке шляпы прикреплялась вуаль. Высота генина достигала метра и зависела от степени знатности дамы.</p>
	<p>Тюрбан (Turban) – головной убор в виде куска ткани, обмотанного вокруг головы. Проникает в Британию в эпоху крестовых походов. Повторно входит в моду в XVIII в.</p>
	<p>Арселе или френч худ (French hood) – металлический ювелирной работы каркас в виде подковы или сердца, надеваемый на темя и оставляющий открытой часть прически. Его дополнял кусок непрозрачной ткани, ниспадающий на плечи.</p>

	Капор (Bonnet) – мягкая шляпа с высокой тульей для убранных на затылок волос и обрамляющими лицо полями, сужающимися к затылку. Поля обычно декорировались рюшем, кружевом или лентами, которые часто служили завязками под подбородком.
	Берет (Beret) – квадратная или круглая шляпа без полей, часто вязанная. Считается, что берёт свое происхождение из Шотландии. В Средние века представлял собой кусок ткани, приспособленный и нашитый на круглый каркас.
	Каль (Cale) – плотно облегающая голову шапочка. Носилась простолюдинками, а более знатные дамы использовали в качестве ночного колпака или под другие виды шляп при выходе на улицу.

Исторические рамки эпохи Возрождения в Британии приходится на конец XVI – XVII вв. Ввиду того, что этот период сопровождался частыми войнами, в моду входят шляпы напоминающие военную униформу. Мода на горизонтальные прически и парики сужает ассортимент шляп и изменяет их форму от минимальной **токи** до максимального **калаша** (См. таблицу №3).

Таблица 3.

Парадигма номенов, именующих шляпы эпохи Возрождения

	Тока (Toque/Tuque) – усовершенствованный образец мужской Монмутской шапки (Monmouth cap) – маленькая округлая шапочка без полей, чаще всего из бархата, украшенная мехом, бисером или цветами. В XVIII в. тока трансформируется под форму Фригийского колпака (треугольная форма). Сейчас токой называют облегающую вязанную шапочку и также поварской колпак.
---	---

	<p>Капитанка (Carotain) – полувоенная шляпа из черного фетра с высокой тульей и широкими прямыми полями. Часто тулья декорировалась цветной лентой. В Америке именуется пуританской шляпой (Puritan cap).</p>
	<p>Фонтанж (Fontange) – головной убор из причудливо сложенной накрахмаленной ленты, поддерживаемой проволочным каркасом. Напоминал собою петушиный гребень. Просуществовал недолго из-за сложности удержать вертикальное положение.</p>
	<p>Шуте (Schute) – жесткая шляпка, с высокой тульей и широкими полями, обрамляющая лицо наподобие капора. Изготавливалась из фетра или соломы.</p>
	<p>Канотье (Canotier) – Жесткая соломенная шляпа с цилиндрической тульей и прямыми полями; часто декорируется лентой. Была популярна в костюме для верховой езды. Самый любимый вид шляпы британской королевы.</p>
	<p>Калаш (Calash) – просторный бархатный или меховой чепец для прогулок, приспособленный сохранять высокую дамскую прическу. Иногда использовался для сна в качестве футляра для прически.</p>

Как видим, лексико-семантическая группа «древние шляпки» включает большое количество номенов, которые можно отнести как к

разряду терминов, так и к разряду историзмов. Вместе с тем, все данные номены являются согипонимами, подчиняясь гиперониму «шляпа».

Список литературы:

1. Андреева Р.П. Энциклопедия моды: справочное издание / ред. М. Стерлигов. – СПб.: Литера, 1997. – 416 с.
2. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. – 564 с.
3. Левицкий В.В., Огуй О.Д., Кійко Ю.С., Кійко С.В. Апроксимативні методи вивчення лексичного складу. – Чернівці: Рута, 2000. – 136 с.
4. Шеина И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник МГОУ – 2010, №2 : [Электронный ресурс] URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3133> (дата обращения 23.11.2016)
5. Энциклопедия костюма. / худ и авт текста Д. Чалтыкьян; ред группа: С. Мирнова, А. Евлахович. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2010. – 167 с.: с ил.

СТРУКТУРНО – СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ «ОБЩЕГО» И «СПЕЦИАЛЬНОГО» СЛЕНГА БЫТУЮЩИХ В МАКРОСИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Гамов Антон Николаевич

*аспирант кафедры иностранных языков,
Международный Славянский институт,
РФ, г. Москва*

A STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF SPEECH FORMATIONS OF «GENERAL» AND «SPECIAL» SLANG IN THE MACROSYSTEM OF SUBSTANDARD ENGLISH

Anton Gamov

*postgraduate student of the chair of foreign languages,
International Slavonic Institute,
Russia, Moscow*

Аннотация. Целью данной статьи является определение структурно-семантического значения «общего» и «специального» сленга. Мы провели собственное деление лексических пластов нелитературного английского языка, а также определили три основных уровня выразительности английского сленга и усовершенствовали схему предложенную профессором В.А. Хомяковым, описывающую структуру английского сленга.

Abstract. The purpose of this article is to define the structural and semantic meaning of “general” and “special” slang. We made own division of lexical layers of Substandard English. In addition, we defined three main expressive levels of English slang and improved the scheme of English slang had been proposed by professor V. Khomyakov.

Ключевые слова: макросистема английского просторечия; лексика литературного употребления; структурно-семантическое значение; общий сленг (обладает экспрессивно-эмоциональным характером); специальный сленг (представлен лексикой жаргонного характера); функция криптолалическая.

Keywords: the macro system of Substandard English; Standard English; structural and semantic meaning; general “slang” (has an expressive and emotional character); special “slang” (consists of slangy words); secret function.

Существуют различные точки зрения лингвистов к определению сленговой лексики. Одни специалисты высказывают мысль о том, что данный лексический слой, находящийся за пределами правил установленных литературным языком и служащий для выражения сниженной стилистической окраски слова, должен быть противопоставлен дифференциальным вариантам речи как литературного, так и нелитературного употребления. По мнению других исследователей, словарный состав данной социально-речевой микросистемы не всегда используется для предания стилистического эффекта, а порой и вовсе отрицается как таковое явление.

Наиболее достоверной (по мнению автора) является дефиниция «общего» и «специального» сленга предложенная профессором В.А. Хомяковым. Данная социально – речевая разновидность представляет собой «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и арго

преступного мира, с другой стороны слой широко распространенной и общепонятной эмоционально–экспрессивной лексики...» [2, с. 45, 46]. Другой исследователь в области лексикологии и стилистики Е.В. Иванова выделяет три языковых пласта, два из которых представляют языковой состав литературного языка, включающего в себя общелитературную лексику...; терминологическую лексику, используемую в сфере научного общения, а также нестандартную лексику, обслуживающую сферу непринужденного, неофициального общения и включающую, согласно классификации В.А. Хомякова, экспрессивное просторечие («низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы и условно вульгаризмы) и социально-профессиональное просторечие (профессиональные и корпоративные жаргонизмы и арготизмы) [1, с. 5, 6]. В соответствии с вышеуказанным положением мы провели собственное деление лексических слоев английского разговорного языка. По нашему мнению, норму первого уровня составляет лексика литературного употребления *Standard English*, включающая в себя литературно-книжные, общенародные, коллоквиальные «разговорные» выражения, тогда как к норме второго уровня *Substandard English* следует отнести, с одной стороны просторечную, вульгарную, *общеупотребительную сленговую лексику* нелитературной речи, а с другой, кэнтизмы «арготизмы», являющие собой язык для посвященных (rhyming, back, centre/medial slang), терминологическую лексику, определяющую понятия какой-нибудь специальной (профессиональной) сферы деятельности, диалектную лексику, в состав которой входят социальный, групповой диалект, литературный диалект, территориальный, этнический диалект, идиолект – (диалектный вариант языка присущий отдельному индивидууму), а также дифференциальные варианты слов жаргонного характера.

Следовательно, под «нестандартной лексикой» следует понимать не отдельный лексический слой, а ряд социально-речевых компонентов образующих *макросистему* английского просторечия, в то время как «общий сленг» представляет собой социальную разновидность (вариант) нелитературной речи или социально-речевую *микросистему*, бытующую в «ареале» английского просторечия, которой свойственна наибольшая эмоциональная выразительность, новизна, умение проникнуть в любую область языковой системы и закрепиться в ней. К общему сленгу относятся следующие слова: “*shiner*” в значении «синяк под глазом»; “*dumb cluck*” «глупый (недалекий) человек»; “*hairdo*” «прическа»; “*tube*” «метро»; “*baloney*” «ерунда»; “*make-up*” «грим, косметика»; “*vac*” «каникулы» и т.д.

Отличие общего сленга от специального заключается в том, что последний не отражает экспрессивно-эмоциональный характер, но исправно пополняет словарный состав общего сленга за счет проникновения слов, присущих отдельной социальной, профессиональной или деклассированной группе людей. (Обращаем внимание на то, что положение о существовании микросистемы и макросистемы английского просторечия было заимствованно из классификации представленной профессором В.А. Хомяковым).

В продолжение нашего исследования мы попытаемся дефиницировать лексику, входящую в состав «специального сленга», представляющую собой ряд структурно-семантических образований с узко употребительной социально-профессиональной направленностью. Как правило, данную группу сленговой лексики обозначают терминами несущими строго криптолалическую функцию. К ней относятся: а) профессиональные жаргоны и корпоративные (групповые) жаргоны; стоит также выделить следующие разновидности английского жаргона: 1) “back slang” («обратный сленг»), 2) “centre slang” («центральный сленг»), 3) “rhyming slang” («рифмующийся сленг»); б) “cant”/ “canting language” («кэнт»); в) “slang”/ “slang language” («сленг»); г) “terminology” «терминологическая лексика»; д) “dialect” («диалектная речь»).

На протяжении длительного времени вместе с языком видоизменялась как морфемная, так и смысловая структура вышеуказанных терминов. В соответствии с проведенным исследованием, мы установили, что «...скорее всего современный термин “jargon” («жаргон») имеет общее происхождение с французским словом “gargoter”, что в переводе на русский язык означает «издавать сильный шум», а также, вероятно, соотноситься с латинским словом “garrire” в значении «говорить невнятно, неразборчиво» [7, с. 550].

Что касается вышеуказанных вариантов английского жаргона: 1) “back slang” («обратный сленг»), 2) “centre slang” («центральный сленг»), 3) “rhyming slang” («рифмующийся сленг»), то они являют собой ряд социально-речевых элементов, использующихся определенной социальной группой с целью сокрытия конфиденциальной информации от непосвященных.

«“Back language”, “back slang” или “kacabgenals” как его именуют непосредственно сами носители, торговцы фруктами и овощами на улицах Лондона, ... которые используют данный лексический слой с целью языкового обособления от окружающих своей деятельности, ... а также для того, чтобы держать в неведении своих заклятых врагов, полицию» [11, с. 348, 349]. «“Back slang”— разновидность сленга,

слова которого пишутся и читаются в обратном направлении (справа налево); а также для предания большей выразительности, пишущий или говорящий может изменить положение букв в слове, иногда с присоединением звука, если, конечно же, структура самого слова позволяет это сделать;...» [12, Vol. 1, с. 200]. В качестве подтверждения приведем несколько примеров: *kool (to look), erif (fire), doog (good), elrig (a girl), emag (game), stoobs (boots), shif (fish), kennurd (drunk), esclop (police)*.

“Centre slang” (“medial slang”) — в этом случае происходит инверсия, нарушающая порядок построения морфемной структуры слова, когда вторая часть слова становится перед первой, возможно, как и в первом случае с присоединением звука для лучшего звучания. Так например, слово *beauty* примет словообразовательную форму *eautybeau*, слово *right* будет выглядеть как *ightri*, а слово *milk* будет преобразовано в псевдослово *ilkem* и т.д.

«“Rhyming slang” (рифмованный сленг) возникший в первой половине 19 в., в среде низших слоев населения г. Лондона, впоследствии распространился в Австралии, США и Ирландии» [9, с. 525]. С позиции семасиологии данное речевое образование происходит в результате вторичной номинации, рифмованной замене первоначального, исходного словосочетания второстепенной структурной единицей, несущей основную семантическую функцию. В ономаσιологическом аспекте, изучающем средства номинации, данная речевая конструкция (рифмованный сленг) представляет собой словосочетание, подвергнутое умышленному искажению со стороны деклассированных слоев населения. Рассмотрим несколько произвольно выбранных примеров рифмованного сленга: *snake in the grass (a looking-glass), sorrowful tale (three months in jail), sugar and honey (money), joy of my life (wife)*.

Дальнейшее исследование специального сленга связано с социально-речевым образованием, широко известным в Англии под названием “*Canting language*”. Вариант речи употребляется определенной деклассированной категорией людей, объединенной наличием неразрывных связей, интересов и взглядов.

По одной из версий, «понятия “*cant*” и “*canting*”, скорее всего, происходят от имен существительных “*chaunt*”/ “*chanting*”, которые в переводе на русский язык означают (нечленораздельную, взволнованную, сопровождающуюся плачем речь); посредством этой речи нищие и бездомные пытались вызвать жалость у окружающих и таким способом заработать себе на пропитание» [11, с. 3].

В продолжение нашего исследования мы попытаемся представить версии термина “slang”, касающиеся непосредственно его смысловой нагрузки, а именно, когда и при каких обстоятельствах впервые он был засвидетельствован в истории лингвистики. Необходимо абстрагироваться от ложных понятий, указывающих на неверную, ничем необоснованную точку зрения о том, что термин «сленг» в своем значении представлял после 1750 года и до настоящего времени. Пытаясь дать точный ответ на поставленный вопрос, мы провели параллель между зарубежными и отечественными лингвистами, мнение которых здесь не расходится. В работе Т.А. Соловьевой мы наблюдаем следующее: «термин «сленг» впервые был зарегистрирован в западной лингвистики в **1750 году**. С самого начала своего существования термин сленг вызвал много споров по вопросу своего содержания» [5, с. 110]. Подобную версию высказывает английский исследователь в области сленговой лексики Френсис Гроуз. По его мнению, термин “slang” тоже самое, что и “Cant language”. Появление которого в роли имени существительного и прилагательного датируется приблизительно **1750 годом** [10, с. 313]. Мы также обратились к работам других авторов, в которых изложена полная хронология событий, связанная с последующим изменением смыслового содержания слова «сленг» и приобретением новой экспрессивно-эмоциональной окраски.

Дальнейшее исследование показало, что применение термина «сленг» включает в себя множество сопутствующих значений, по одному из которых данный термин используется в значении «ненормативной лексики». Следовательно, термин “slang” включает в себя не только языковое обособление, но и как отмечают лексикографы Баррере и Леланд, продолжает выражать в значении “*language*” или “*tingo*” сегмент «вульгарной, нецензурной лексики» [8, Vol. 2, с. 251]. Хоттен представляет “slang”, как язык оскорбительный, унижительный, т.е. “*to cheat, to abuse in foul language*” (“обманывать, бранить, оскорблять”) [11, с. 294]. В словаре шотландского лексикографа Джеймса Мюррея мы находим доказательства вышеуказанной версии [1868 *W.R. GregLit. & Soc. Judgm. Mr. Carly leslangs like a blaspheming pagan; Господин Карлайл ругается как сапожник.*]. [1888 *Burton Lives 12 Good Men. He sent for the offender...and in the most slashing style 'slanged', even threatened him. Он послал за обидчиком...после чего в довольно жесткой форме пригрозил ему.*]. (Примеры даются по словарю Дж. Мюррея “*A New English Dictionary On Historical Principles*”. Vol.IX, 1919 г.). Необходимо

отметить, что «слово “*slang*” в значении “*abusive language*” впервые появилось в **1828 году**» [7, с. 1015].

Хоттен также выделяет прилагательное “*slangy*” (“*показной, кричащий, бросающийся в глаза*”), употребляемое в отношении (*одежды, поведения*) [11, с. 294]. Далее мы ссылаемся на словарь Дж. Мюррея, для того чтобы подчеркнуть ярко выраженную окраску предложенной версии. [1849 Alb. Smith Pottleton Legacy (1854). *A smart scarf, a very new hat, a slang coat, and massive watch-chain. Элегантный шарф, новая шляпа, богатое пальто и массивная цепочка для часов.*] [1847 Alb. Smith Chr. Tadpole (1879) *The slang tone in which these words were uttered produced another burst of laughter. Сказанное в подобном тоне вызвало очередной взрыв смеха.*] (“*A New English Dictionary On Historical Principles*”. Vol.IX, 1919 год;). Впервые прилагательное “*slangy*” было выявлено в «**1842** году, образованное от английской формы “*english slang, n. + -y*”» [7, с. 1015].

Эрик Партридж в книге “*Slang Today and Yesterday*” отмечает, что приблизительно в **1850** году термин “*slang*” стали использовать для обозначения «*коллоквиальной (просторечной) лексики нелитературной речи*», что послужило появлению новых синонимичных значений. Так например, у низших слоев населения наряду со словом “*slang*” пришло слово “*lingo*”, а категория людей, занимающая более высокую иерархическую ступень, стала использовать термин “*argot*” [13, с. 3].

Следующее речевое образование, подлежащее рассмотрению, происходит от... «греческого слова “*dialektos*” — говор, наречие, разновидность данного языка, употребляемая более или менее ограниченной группой людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью» [4, с. 387]. В соответствии с вышеуказанным делением лексических пластов английского разговорного языка, мы отдельно выделили лексику диалектной речи, в состав которой входят социально-групповой диалект, выражающий общие социальные признаки группы людей; диалект профессиональный, свойственный людям одной профессии или одного рода занятий; диалект литературный, соответствующий норме литературного языка; этнический диалект, объединяющий людей одной народности и культуры; диалект территориальный, объединяющий людей, проживающих на одной территории. В качестве примера мы предлагаем один из самых известных диалектов Лондона “*cockney*” (кокни), источник происхождения которого доподлинно неизвестен. Так, по одной из версий, «...приблизительно до 1600 года понятие «кокни» связывали с приемом какой-либо пищи; кроме того словом

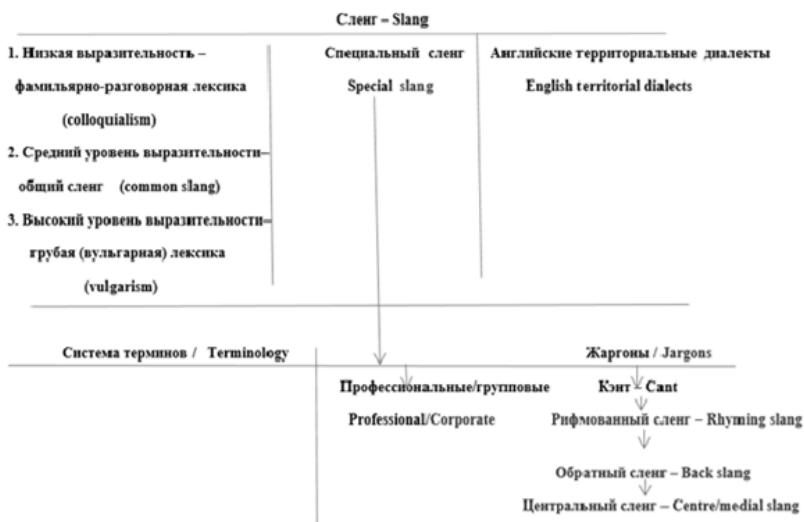
«кокни» обозначали *уродливое, маленького размера куриное яйцо* (“New English Dictionary”)... со временем, где-то с 1600 года словом «кокни» стали называть *коренных жителей Лондона...*» [14, Vol. 1, с. 324], со средним и низким достатком, родившихся в пределах досягаемости звона колоколов церкви Сэнт-Мэри-лэ-Боу. Существует и другая версия, указывающая на происхождение слова, определяющего современный диалект «кокни». «... — Однажды, житель Лондона, будучи впервые в своей жизни за городом, услышал ржание лошади и воскликнул: «Господин! Вы это слышали?! Вы слышали как “смеется” лошадь!». Как раз, в это самое время, проходил мимо человек, который и поправил его, сказав, что лошадь не смеется, она ржет. На следующее утро, когда пропел петух, городской житель, запомнив то, что ему вчера было сказано, и будучи уверенным в своей правоте, прокричал во всеулышание: “Do you hear how the *cock neighs?*”» [4, с. 123]. Диалект «кокни» отличается нестандартным произношением, не соответствует литературной норме употребления, а также обладает сходством с рифмованным сленгом. Ниже приведем несколько примеров употребления лондонского просторечия «кокни»: применение глагола “*tobe*” в значении “*ain’t*” вместо “*isn’t*” или “*am not*”; использование фокусного наречия “*weally*” вместо “*really*”; а также примеры рифмованного сленга “*plates of meat*” вместо “*feet*”, вместо “*head*” — “*loaf of bread*”; и т.д.

Таким образом, автором были изучены различные источники по вопросу содержания общего сленга, который представлен широко распространенной, общеупотребительной лексикой нелитературной речи с ярко выраженной экспрессивно – эмоциональной окраской, бытующей в макросистеме английского просторечия, а также удалось установить дифференциальные варианты диалектной речи английского языка, и представить в хронологической последовательности ряд условных слов и выражений, входящих в состав специального сленга, и создаваемых отдельной социальной или профессиональной группой с целью языковой ”изоляции” от остальной части данной языковой общности.

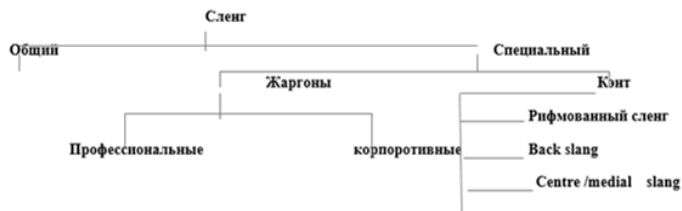
Кроме того, была усовершенствована схема предложенная профессором В.А. Хомяковым в монографии «Введение в изучение сленга – как основного компонента английского просторечия» [6, с. 71], описывающая структуру английского сленга. Определены три основных уровня выразительности английского сленга: фамильно-разговорная (просторечная) лексика, обладающая низким уровнем выразительности “*rot*” «*чепуха, ерунда*»; общий сленг с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра,

обладающего средним уровнем выразительности, например “*store teeth*” «вставные (купленные) зубы»; “*bla – blain the air*” «болтовня»; непотребная (вульгарная) лексика, обладающая высоким уровнем выразительности, например “*bastard*” «кретин, подонок»; “*to go to the dogs*” «идти к черту».

Сохранена ранее существующая классификация специального сленга в состав которого входят такие социальные варианты речи, как профессиональные/корпоративные (групповые) жаргоны, а также некоторые близкие к жаргонам речевые образования среди которых можно выделить (кэнт, рифмованный сленг, обратный сленг, центральный сленг); в состав специального сленга включена терминологическая лексика, используемая в сфере (специальной области) науки, техники, искусства. Была дополнена схема английскими территориальными диалектами, согласно положению выдвинутому профессором М.М. Маковским, который рассматривает помету «сленг» как исторически сложившуюся на базе английских территориальных диалектов различных регионов и других более древних языковых элементов...[3, с. 22]. Вместе с тем автор сохранил объединяющее их родовое понятие «сленг», которое в данном случае рассматривается как основной компонент английского просторечия.

**Рисунок 1. Макросистема английского просторечия –
The macrosystem of Substandard English.
Усовершенствованная схема автора А.Н. Гамова**

*Рисунок 2. Схема под редакцией профессора В.А. Хомякова
(для сравнения)*

Список литературы:

1. Иванова Е.В. Сопоставительный анализ моделей словосложения в стандартной и нестандартной лексике современного английского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1983.
2. Коноплева Ю.В., Пинягин Ю.Н. Американский сленг: структура и зоны семантической аттракции // Национальный менталитет и языковая личность. Пермь: Ред.-изд. отд. Перм. гос. ун-та, 2002. С. 45-53.
3. Маковский М.М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. 4-е изд., – М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
4. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд., с изм. М.: Советская Энциклопедия, 1984.
5. Соловьева Т.А. К проблеме сленга // Ученые записки. Иваново, 1961. Том XXVII. С. 109 – 127.
6. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – как основного компонента английского просторечия. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1971.
7. Barnhart R.K. The Barnhart Concise Dictionary of Etymology. Bronxville, New York: The H.W. Wilson Company, 1988.
8. Barrere A., Leland Ch. G. A Dictionary of Slang, Jargon & Cant. Vol. 1 – 2. Detroit: Gale Research Company, 1967.
9. Fowler H.W., Sir Ernst Gowers. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford: Clarendon Press, 1980.
10. Grose F., Partridge E. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. 3th ed. London: Routledge & Kegan Paul Limited, 1963.
11. Hotten J.C. The Slang Dictionary. East Ardsley, Wakefield, Yorks: EP Publishing Ltd., 1972.
12. Ogilvie J., Annandale Ch. The Imperial Dictionary of the English Language. Vol. 1. London: Blackie & Son, 49 and 50 Old Bailey, E.C.; 1883.
13. Partridge E. Slang Today and Yesterday. 4th ed. London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1972.
14. Weekly E. An Etymological Dictionary of Modern English. Vol. 1. New York: Dover Publications, Inc., 1967.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ)

Смотрицкая Екатерина Дмитриевна

*преподаватель-стажер кафедры теории и практики английского
языка ГГУ им. Ф. Скорины,
Беларусь, г. Гомель*

URGENT PROBLEMS OF THE SOCIETY AS ONE OF THE MEANS OF EMOTIONAL INFLUENCE (BASING ON BARAK OBAMA'S PRE-ELECTION SPEECH)

Ekateryna Smotrytskaya

*intern teacher, theory and practice of the English language department,
Francisk Skorina Gomel State University,
Belarus, Gomel*

Аннотация. Целью настоящего исследования является определить наиболее важные и актуальные вопросы общественной жизни страны как один из способов эмоционального воздействия в политическом дискурсе. Рассматриваются особенности устного публичного выступления как одного из жанров публицистического стиля, приводятся основные тезисы, затрагиваемые в предвыборном выступлении.

Abstract. The objective of the research is to define the mosturgent problems of political and social life of the country as intense linguistic means of emotional influence in political discourse. The author considers the main peculiarities of oral public speech as one of the genres of political journalism and mentions the main themes of pre-election speech of Barak Obama.

Ключевые слова: публичная речь; тезис; монолог; эмоциональное воздействие; предвыборная речь.

Keywords: public speech; theme; monologue; emotional influence; pre-election speech.

В современном обществе под пристальным вниманием средств массовой информации находится всё, что происходит в мире, в том числе и в сфере политической жизни. В последние годы появилось большое количество исследований, посвященных изучению различных аспектов публичной речи. Публичная речь – это монолог, который можно определить как особую форму устной речи, представляющую собой развернутое высказывание одного лица, завершённое в смысловом отношении, все языковые и коммуникативные элементы которого подчинены главной мысли и основной цели [1, с. 257 – 258]. Особое место в публицистическом дискурсе занимает публичная речь политиков, которая имеет специфические особенности, соотносимые также с ораторским искусством. Политики попадают в жесткие условия конкуренции. Победа в процессе борьбы за власть очень часто зависит от умения политика выиграть поединок в ораторском искусстве, то есть от его таланта оказать желаемое воздействие посредством выступления, привлечь на свою сторону как можно больше электората, который в конечном итоге проголосует за него, и, таким образом, обеспечит его популярность и успех [2, с. 127].

Предвыборное выступление кандидата в президенты всегда является ярким событием предвыборной кампании и его активно обсуждают политические аналитики, журналисты, политики, так и обычные граждане – потенциальные избиратели, как в официальных СМИ, так и в неофициальном интернет-пространстве. Опросы граждан, проводимые в период президентских выборов, показывают, что, выбирая главу страны, они, прежде всего, обращают внимание на его взгляды по вопросам политики, экономики и иных сфер [3, с. 163]. Известно, что тексты предвыборных выступлений отличаются особым набором языковых и стилистических приемов на разных уровнях языка, которые создают риторические структуры, оказывающие эмоциональное воздействие на избирателей.

В данной статье мы описываем основные тезисы предвыборной речи Барака Обамы (2012). Стоит заметить, что Барак Обама произносит свою речь в качестве действующего президента страны, у которого за плечами целый срок правления и который неоднократно подвергается разнообразной критике, а также сталкивается с яростным сопротивлением оппонентов-республиканцев. В целом во время предвыборной кампании Обама избегает давать трудновыполнимые обещания, а выдвигает более конкретные и локальные предложения для решения актуальных проблем, чем, по его мнению, стремится вызвать к себе больше доверия. В предвыборном выступлении кан-

дидата в президенты США эмоциональное воздействие на аудиторию выражается, прежде всего, в специфических тезисах [3, с. 164].

Анализируя речь Барака Обамы, необходимо обратить внимание на то, что основная доля приходится на тезис единства американской нации, достижений в период первого президентского срока, достойного национального лидера, трудных времен, а также тему семьи.

Тезис экономических и политических достижений в течение первого президентского срока представлен в тексте речи достаточно скромно, в виде результатов, которые оратор лично пережил и которые много значат для него. Целью этих достижений является решение проблем простых граждан страны:

Manufacturers started investing again, adding jobs for the first time since the 1990s. Businesses got back to the basics, exports surged. And over four million jobs were created in the last two years – more than one million of those in the last six months alone.

Однако Обама указывает, что ему еще многое предстоит сделать для государства:

The housing market is still weak, deficits are still too high, and states are still laying off teachers, first responders. This crisis took years to develop, and the economy is still facing headwinds.

Стилистический эффект здесь усиливается при помощи использования параллельных конструкций.

Необходимо отметить, что Обама заявляет о достижениях в сфере внешней политики, в частности о прекращении войны в Ираке:

For the first time in nine years, there are no Americans fighting in Iraq.

Тезис достойного национального лидера проходит через весь текст речи. Обама дает обещания вывести к концу 2014 года войска из Афганистана, покрыть бюджетный дефицит, отремонтировать дороги, мосты, беспроводные сети и говорит, что суть нынешних выборов – в восстановлении Америки:

I will use half of what we're no longer spending on war to pay down the deficit, and the other half to repair our roadsand our bridges, our runwaysand our wireless networks. That's the choice in this election – to rebuild America.

Обещания Барака Обамы также касаются социальной сферы – здравоохранения и образования. Кандидат в президенты не допустит коммерциализации социального страхования и продлит программы Medicare и Social Security, не сокращая гарантированные выплаты людям, включенным в программы. Также планируется, что к концу

десятилетия у большинства граждан страны будет возможность получить образование в колледже:

And as long as I'm President of the United States, I will never allow Medicare to be turned into a voucher that would end the program as we know it. We will reform Medicare – not by shifting the cost of care to seniors, but by reducing the spending that isn't making people healthier.

Также в своем выступлении Обама успешно реализует тему единства и превосходства американской нации. Он утверждает, что только вместе они построили и теперь развивают такое сильное государство, и только вместе им предстоит доказывать свои достоинства всему миру:

I still believe that we are not as divided as our politics suggest. I still believe that we have more in common than the pundits tell us.

We are still ready to go. And we are going to remind the world once more just why it is that the United States of America is the greatest nation on Earth.

Важно заметить, что единство американской нации подчеркивается на протяжении всего выступления при помощи лексических средств. Так, лексема “together” (‘вместе’) употребляется 15 раз, и личное местоимение “we” (‘мы’) используется вместо “I” (‘я’) или “you” (‘вы’).

Значительную часть выступления кандидат в президенты от демократов посвящает критике своего оппонента от Республиканской партии Митта Ромни. Обама осуждает Ромни за его позицию по вопросам войн в Ираке и Афганистане, а также за предложения в сфере экономики:

This time, they want to give banks and insurance companies even more power to do as they please. And now, after a long and spirited primary, Republicans in Congress have found a nominee for President who has promised to rubber-stamp this agenda if he gets the chance. I tell you what: We cannot give him that chance. Not now. Not with so much at stake.

My opponent said it was 'tragic' to end the war in Iraq. He said he won't set a timeline for ending the war in Afghanistan.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что предвыборная речь Барака Обамы обладает достаточно высокой степенью эмоциональности, которая обусловлена насыщенностью выступления не только точно подобранными тезисами и их реализацией через многочисленные примеры трудностей и достижений личной жизни кандидата, но и активным использованием приемов экспрессивного синтаксиса (анафора, эпифора, градация,

параллельные конструкции), а также использованием оригинальных метафор.

Список литературы:

1. Волков, А.А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М.: Академический проект, 2001. – 480 с.
2. Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 127 – 139.
3. Обвинцева, О.В. Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жён кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни / О.В. Обвинцева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 163 – 167.

4.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА СУДЬБА И ЕГО СИНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ А.С. ПУШКИНА

Гурьянова–Гречко Юлия Александровна
аспирант, Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
РФ, Нижний Новгород

THE SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE WORD DESTINY AND ITS SYNONYMS IN PUSHKIN ARTISTIC SPEECH

Julia Gurianova-Grechko
graduate student, Nizhny Novgorod State University,
Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Автор поставила целью проанализировать семантическую структуру слова *судьба* и его синонимов в художественной речи А.С. Пушкина. Слово это является ключевым, лейтмотивным для всего творчества А.С. Пушкина и представляет вместе со своими синонимами фрагмент языковой картины мира писателя. Кроме того, исследование имеет и самостоятельную ценность для понимания самого процесса образования русского литературного языка и его дальнейшего развития. Поскольку синонимика языка Пушкина сыграла существенную роль в установлении литературного языка, в организации его семантической и стилистической системы.

Abstract. The author set as the purpose to analyze semantic structure of the word *destiny* and its synonyms in artistic speech of A.S. Pushkin. The word is the key for all creativity of A.S. Pushkin and represents a fragment of a language picture of the world of the writer together with the synonyms. Besides, the research has also independent value for understanding of the process of formation of the Russian literary language and its further

development. As the synonymy of language of Pushkin played an essential role in establishment of the literary language, the organizations of its semantic and stylistic system.

Ключевые слова: судьба; синонимы; язык Пушкина; семантико-стилистические особенности; значение; оттенок значения; смысл.

Keywords: destiny; synonyms; Pushkin's language; semantic and stylistic features; value; connotation; meaning.

В современной русистике актуальными являются исследования слов, обозначающих ключевые понятия, узловые в семантической системе русского языка. Их возникновение, как правило, относится к далёкой древности; в современном русском языке они остаются весьма употребительными. Такие слова обычно многозначны, имеют широкие фразеологические связи, образуют семантические поля. В творчестве многих писателей эти слова нередко становятся устойчивыми знаками сквозных, ключевых понятий, раскрывающих авторское мировосприятие и мировоззрение.

Благодаря своему развитому отвлечённому значению и обширной предметной отнесённости, эти слова способны образовывать в речевой цепи разнообразные смыслы, однако, не порывающие семантической связи с исходным понятием, но одновременно выявляющие отдельные, характерные черты обозначаемого.

Одним из таких слов в языке А.С. Пушкина является слово *судьба*. *Судьба* и его синонимы *участь*, *жребий*, *доля*, *рок*, *удел*, *фортуна* и др. частотны в произведениях А.С. Пушкина (согласно словарю языка писателя насчитывается до 290 словоупотреблений слова *судьба*; его синонимы также весьма употребительны).

Слово *судьба* многозначно, оно активно употреблялось на протяжении исторически длительного времени, развивая различные значения и их оттенки. В современном русском языке и в языке А.С. Пушкина существует множество устойчивых выражений, включающих слово *судьба* (*слепая судьба*; *удар судьбы*; *судьба кому-либо* с неопр. формой глагола; *устроить*, *обеспечить* и т.п. *чью-либо судьбу* и др.). Слово имеет синонимы, а также тесно связано семантически со многими другими лексическими единицами, являясь ядром обширного семантического поля «судьба».

Говоря об определении значения слова *судьба* и его синонимов в словарях, важно отметить, что в толковых словарях современного русского языка, в «Словаре языка А.С. Пушкина» и в синонимических словарях преимущественно не указывается, в каких значениях

синонимичны данные слова. Кроме того, синонимы слова *судьба* в словарях всегда толкуются друг через друга, что затрудняет понимание их семантики.

Целью нашего исследования, некоторые промежуточные результаты которого описываются в этой статье, является анализ семантико-стилистических особенностей слова *судьба* и его синонимов как языковых, так и контекстуальных в художественной речи А.С. Пушкина; уточнение данных словарей (толковых, синонимических словарей современного русского языка и «Словаря языка А.С. Пушкина»); описание семантического поля *судьба*.

Актуальность такого исследования обусловлена тем, что в языке А.С. Пушкина ещё много неисследованных сторон. Исследование семантического поля «судьба», по сути, является изучением фрагмента языковой картины мира А.С. Пушкина, оно помогает осмыслить его мировоззрение и мировосприятие, открывает новые стороны в его творчестве.

Однако наше исследование важно не только для более глубокого понимания пушкинского творчества, но и для изучения современного русского литературного языка, поскольку семантическое, стилистическое описание синонимии языка А.С. Пушкина, лёгшего в основу национального русского литературного языка, имеет самостоятельную ценность для понимания самого процесса образования русского литературного языка и его дальнейшего развития.

Синонимика языка А.С. Пушкина сыграла существенную роль в организации семантической и стилистической системы русского литературного языка. Однако она выявлена далеко не полно. Недостаточно определены в словарях значения рассматриваемых слов, не описаны смыслы синонимов в конкретных речевых условиях. Общеизвестно, что тема судьбы является одной из важнейших тем всего творчества А.С. Пушкина, однако семантическое поле «судьба» в исследованиях языка А.С. Пушкина также не описывалось.

Новизна нашего исследования заключается в сквозном изучении слова *судьба*, его синонимов от фиксации в первых словарях до их творческого применения в произведениях А.С. Пушкина.

Это позволит конкретно представить творческий характер работы А.С. Пушкина над словом.

Методикой выявления и описания смыслов рассматриваемых слов является сравнение речевых условий их употребления в произведениях. Мы руководствуемся методологическим принципом взаимодействия лингвистического анализа с литературоведческим, анализируем семантику слов не только в микро -, но и в

макроконтекстах, исходим из цельности, единства художественного произведения и законов самого художественного целого. Этот принцип исследования языка и стиля писателя провозглашали акад. В.В. Виноградов, профессора Б.А. Ларин и Г.О. Винокур.

Лексические синонимы понимаются нами в соответствии с определением А.П. Евгеньевой, автора множества работ по синонимике, редактора и составителя двух синонимических словарей, а также четырёхтомного академического толкового словаря современного русского языка: «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению, слова, которые определённым образом соотношены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» [7, с. 29].

Отличия между синонимами не имеют своего особого отдельного знакового выражения. Отсюда особая методика их обнаружения и трудность определения.

Понятие оттенка значения описано в ряде работ лингвистов: А.Н. Гвоздева, А.П. Евгеньевой, Л.П. Алекторовой и др. Под **оттенком** понимается такие отличия между синонимами, которые не нарушают общности понятия. Это потенциальная семантическая величина: отличия реализуются (а могут и не реализоваться) в контексте, что особенно заметно в речи одного и того же автора, в нашем случае в речи А.С. Пушкина, основоположника национального русского литературного языка [5, с. 57 и след.], [7, с. 29], [2, с. 129-137].

В работах по анализу близких и тождественных по значению слов применяется и такое понятие, как **смысл**, рождающийся в индивидуальных условиях речи. Автор «Опыта синонимического словаря языка А.С. Пушкина», В.А. Гречко, пишет: «Центральной задачей описания синонимов является раскрытие их содержания, определение выполняемых ими семантических, стилистических и иных функций. Решение этой задачи связано с проблемой соотношения значения и смысла, выработкой методики и приёмов лексикографического описания авторских смыслов... Смысл слова в художественном произведении – это индивидуальное семантическое, стилистическое образование, формирующееся в конкретной речевой цепи и связанное с содержанием целого произведения. Смысл поэтому не равен значению слова, определяемому в толковых словарях. Словарное значение выступает здесь как семантическое ядро, костяк, необходимый для образования смысла в определённых условиях.

Смысл включает субъективное отношение героя и автора произведения к обозначаемому» [6, с. 34].

Серьёзную теоретическую разработку смысла и богатые примеры содержат труды Ю.Н. Тынянова [21, с.77-194]. Рассуждая о «значении» и «смысле», Тынянов пишет: «Этот дуализм отражает и русский язык: «значение» с одной стороны, «смысл» - с другой. *Употребить слово в каком-либо значении* - дело идёт об узуальном значении слова; *употребить в каком-либо смысле* - обokkaзиональном». [21, с. 187]. Периодически к этой проблеме обращались многие учёные [3, с.120], [4, с.5], [22, с.24-25]. Более пристальное внимание к теории смысла и его лексикографическому описанию связано с подготовкой авторских словарей. В этом отношении весьма важными являются работы Б.А. Ларина и других авторов, опубликованные в связи с составлением «Словаря языка М. Горького» [8, с. 3-11], [9, с. 144-190].

В отличие от оттенка, который обычно приводится в общих словарях (например, оттенок намеренного действия в слове *дотронуться*: ср. «я коснулся твоей руки» - «я *дотронул*ся до твоей руки») и потенциален, смысл рождается в конкретном произведении писателя (непосредственно в речи) как целом, и обусловлен художественными задачами автора (например, смысл слова *дно* - «*дно жизни*» - в названии романа М. Горького «На дне» обусловлен содержанием всего произведения).

В речи оттенок и смысл могут образовывать семантическое единство.

О некоторых итогах исследования

Сравнение толкований слова *судьба* в разных (авторских и академических) словарях позволило проследить и составить схему развития семантической структуры этого слова в русском языке, которая с течением времени изменилась: ушло древнерусское прямое значение «суд» и некоторые производные, на первый план вышло значение стечения обстоятельств, сверхъестественной силы, предопределяющей всё в жизни человека, оформилось второе значение слова («жизненный путь»), появились новые значения и оттенки.

Общезыковые синонимы слова *судьба* (*доля, участь, жребий, рок, удел, фортуна, провидение*) в толковых словарях своими дефинициями постоянно отсылают нас друг к другу, что значительно затрудняет понимание их семантики; в синонимических словарях современного русского языка некоторые из этих слов не отмечены. Однако проведённый по словарям анализ позволил уточнить данные синонимических словарей, сгруппировать слова в два ряда с

доминантой *судьба* («*судьба* в прямом значении – рок – *фортуна - провидение*» и «*судьба* во втором значении «жизненный путь» – *доля-участь- жребий- удел*»).

Толкования значений слова *судьба* и его общеязыковых синонимов в «Словаре языка Пушкина» практически не отличаются от данных академических словарей. Исследователи синонимической лексики Пушкина, в частности автор словаря синонимов писателя, В.А. Гречко, считают «Словарь языка Пушкина» непоследовательным в толковании значений и смыслов [6, с. 35]. Это подтверждает необходимость проведённого самостоятельного анализа семантики слов, входящих в названные выше синонимические ряды, в реальных речевых условиях, в текстах Пушкина.

На сегодняшний день нами подробно были проанализированы все случаи употребления слова *судьба* и его синонимов в романах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и «Дубровский», привлечены факты и из других произведений писателя («Арап Петра Великого», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «История села Горюхина», все «Повести покойного И.П. Белкина»).

Тема судьбы (или мотив судьбы, случая) является одной из главных в названных произведениях А.С. Пушкина, а рассматриваемые слова частотны в их текстах и играют конструктивную роль в развитии сюжета. В романах «Евгений Онегин» и «Дубровский» автор показывает нам героев всегда в очередной кризисный момент их жизни. И каждый раз в произведениях говорится о судьбе, которая «сводит» и «разводит», «разлучает» героев, «осуждает» их на любовь; о судьбе, которую «вручают», «проклинают»; о судьбе, которой «предаются» герои. Причём, слово *судьба* и его синонимы употребляются как в речи героев произведений, так и в авторской речи.

Герои романов по-разному решают вопрос чувства (любви) и долга, и от этого зависит их *судьба*, их последующая жизнь или даже возможная смерть.

Называя Онегина своей судьбой, ниспосланной ей свыше, Татьяна решает вопрос чувства и долга в пользу долга, остаётся верной своему мужу и тем самым добровольно отказывается от счастья в жизни, меняет свою судьбу; Онегин же, не веря в предопределение, проходит мимо своей судьбы, своего счастья и только потом осознаёт это и не видит смысла в жизни без Татьяны, говорит о смерти («Я знаю - век уж мой измерен»).

Решает вопрос любви и долга и Марья Кирилловна; как и Татьяна, она выбирает долг. А вот Владимир Дубровский выбирает любовь и отказывается от того, что он называл долгом – от кровавой

места Троекурову. Всему этому находим подтверждение в самих текстах произведений, в словах героев и в авторской речи.

Много о судьбе как о философской категории рассуждает Владимир Ленский.

Часто думает о судьбе Ибрагим, герой другого пушкинского романа («Арап Петра Великого»). Своей судьбой Ибрагим считает именно долг («тёмное чувство собственного долга» - быть сподвижником Петра Первого в России), а не любовь - счастье, которым он «наслаждался вопреки судьбе и природе».

Такое многократное обращение к теме судьбы в произведениях неминуемо ведёт к осложнению семантики слов, обозначающих это понятие.

В «Евгении Онегине» зафиксировано **32** случая употребления слова *судьба* и его синонимов; обнаружено 10 перифраз. Слово *судьба* в тексте романа употребляется 21 раз, *жребий* - 5, *доля* - 3 раза, *рок*, *удел*, *фортуна* по одному разу.

В «Дубровском» зафиксировано **14** случаев употребления слова *судьба* и его синонимов, обнаружено 3 перифразы. Слово *судьба* в тексте романа употребляется 3 раза, слово *жребий* - 1; появляется слово *участь* - 4 раза.

Кроме реализации в текстах пушкинских произведений общеязыковых значений и оттенков слова *судьба* и его языковых синонимов, в ходе семантического анализа было выявлено множество новых, индивидуально- авторских смыслов, формирующихся у слов на базе общеязыковых значений.

На базе прямого значения доминанты синонимического ряда «*судьба* – *рок* – *фортуна* - *провиденье*» в контекстах произведений Пушкина формируются смыслы:

- *понятие, выражающее представление о некой силе, предопределяющей все события в жизни людей*;
- *«события, обстоятельства, не зависящие от воли человека, заставляющие его кардинально изменить свои планы или всю последующую жизнь; изменившие привычный уклад жизни человека».*

На базе второго значения «*жизненный путь*» у синонимов в произведениях формируется большее количество устойчивых смыслов; это связано с большим количеством членов в синонимическом ряду «*судьба* – *доля* – *участь*- *жребий*- *удел*»:

- *«известный образ жизни (род деятельности) человека, предопределённый его происхождением»;*
- *«особенности биографии, последовательность главных событий в жизни человека»;*

- «привычный для человека уклад жизни»;
- «супружеская жизнь, предназначенная человеку свыше»;
- «одинокая жизнь вблизи любимой женщины, предназначенная человеку свыше»;
- «положение, обусловленное выбранным жизненным поприщем»;
- «жизненный путь, избираемый самим человеком»;
- «положение человека, обусловленное не зависящим от него стечением жизненных обстоятельств, из которого он находит выход, решение»;
- «счастье человека, от обретения/необретения которого зависит вся его дальнейшая жизнь» и др.

Приведённые выше смыслы рассматриваемых слов в языке А.С. Пушкина взаимосвязаны и характеризуются сходным набором семантических приращений, которые в зависимости от контекста или содержания произведения могут по-разному сочетаться друг с другом, образуя индивидуально-авторский смысл слова.

В ходе анализа были выявлены предметно-логические связи понятия «судьба» с такими ключевыми понятиями для произведений Пушкина, как «любовь» и «долг», и с понятиями «счастье» («несчастье»), «жизнь» и «смерть»; в некоторых контекстах оно может даже частично отождествляться с этими понятиями. Выявление, осознание таких связей помогает полно проанализировать семантику рассматриваемых слов.

Трудности определения смыслов усугубляются тем, что они могут лишь угадываться как второй семантический план, а возможно, и рассчитаны на известную недоговорённость, заставляющую читателя усиленно размышлять над идейным содержанием произведения.

<i>Татьяна, милая Татьяна!</i>	<i>Но так и быть! Судьбу мою</i>
<i>С тобой теперь я слёзы лью;</i>	<i>Отныне я тебе вручаю,</i>
<i>Ты в руки модного тирана и</i>	<i>Перед тобою слёзы лью,</i>
<i>Уж отдала судьбу свою.</i>	<i>Твоей защиты умоляю...</i>

[14, Т.3, с.53 и 62]

В этих строфах слово *судьба* имеет смысл, неоднократно встречающийся в произведениях А.С. Пушкина: «счастье человека, от обретения / необретения которого зависит вся его дальнейшая жизнь».

Такое определение обусловлено тем, что в отрывках, приведённых выше, речь идёт не просто о дальнейшей жизни, но на первом месте стоит вопрос именно о счастье героини, которое зависит

от разрешения её любви к Онегину. Татьяна возлагает на Евгения ответственность решить, будет ли счастливой вся её жизнь.

То, что смысл слова *судьба* в этих строфах определяется именно так, подтверждают и другие слова Татьяны, уже в конце романа, во время её объяснения с Онегиным:

*А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена... [14, Т.3, с.164]*

(Слова *судьба* и *счастье* употребляются здесь в пределах одной строфы, влияют на семантику друг друга и имеют сходный смысл, благодаря набору общих сем).

Также в текстах пушкинских произведений у рассматриваемых нами слов часто появляются новые, индивидуально-авторские оттенки значения: «...Обоих ожидала *злоба* / Слепой *Фортуны* и людей / На самом утре наших дней» [14, т.3, с.24].

Слово *фортуна* в современном русском языке является синонимом слова *судьба* в его прямом значении («сверхъестественная сила, предопределяющая всё, что происходит в жизни»). В толковых словарях *фортуна* определяется как «счастливая судьба, случай, удача». В пушкинском же употреблении у слова появляется противоположный общеязыковому оттенок злой судьбы, приносящей несчастья (поскольку в отрывке говорится о «злобе» Фортуны), что приближает пушкинскую *Фортуну* к *року* («высшая, независимая от людей сила, несущая гибель, несчастья, страдания»).

Помимо общеязыковых синонимов слова *судьба*, в языке А.С. Пушкина часто возникают контекстуальные синонимы. Нами выявлены следующие слова: *назначение, обстоятельства, жизнь, небо, Бог, путь*. У всех этих слов в текстах пушкинских произведений возникают общие с *судьбой* семы, все они употребляются в сходных по содержанию контекстах и обладают одинаковой сочетаемостью. Приведём пример.

- «Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить *небо* за непонятную незаслуженную награду...» [14, Т.3, с.376].

- «С первого взгляда она удостоверилась в его отсутствии и благодарила *судьбу* за препятствие, помешавшее их свиданию» [14, Т.3, с. 406].

Назвать слово *небо* синонимом *судьбы* возможно благодаря как употреблению слов с одним и тем же глаголом «благодарить» в сходных по содержанию контекстах, так и благодаря устойчивой в романах ассоциативной связи понятия «судьба» с понятиями христианской философии, с Богом и божьей волей (в текстах

произведений слово *судьба* и его синонимы часто соседствуют со словами *небо*, *Бог* или заменяются перифразами, включающими эти слова: «То в вышнем *суждено* совете.../ То *воля неба* – я твоя.../ Я знаю, ты мне послан *Богом*» [14, т.3, с. 61]; «Так, видно, *небом суждено*. Полюбите вы снова...» [Там же, с. 71].

Анализируя синонимику языка А.С. Пушкина, можно выделить два синонимических ряда с доминантой *судьба*, включающих как общезыковые, так и контекстные синонимы рассматриваемого слова. Это:

1. **«*судьба*»** («стечение обстоятельств, стихийный, не зависящий от воли человека ход событий (по суеверным представлениям – высшая сила или воля божества, предопределяющая всё, что происходит в жизни)») – ***рок – фортуна – провиденье – обстоятельства – небо***;
2. **«*судьба*»** («жизненный путь») – ***участь – доля – жребий – удел – назначение – жизнь – счастье***.

Все эти слова неслучайны в произведениях А.С. Пушкина. Учёные отмечают математическую точность словоупотреблений писателя и говорят о выполнении синонимами в условиях конкретного произведения, непосредственного контекста определённых функций: выражение различных смыслов, оттенков, стилистических, эмоциональных характеристик [12, с.133], [6, с. 35-36] и др. Промежуточные результаты нашего исследования это подтверждают. Кроме того, в ходе анализа было установлено, что некоторые из проанализированных слов играют конструктивную роль в развитии сюжета.

Говоря об ассоциативных связях понятия «судьба» с другими понятиями, интересно рассказать об ассоциативной связи «судьбы» с понятием «суд», которая также устойчива в обоих романах и осознание которой также помогло при уточнении смыслов рассматриваемых слов. Согласно историческому словарю И.И. Срезневского, в древнерусском языке прямым значением слова *судьба* было «суд», а производные значения слова были тесно связаны с прямым. Эту древнюю семантическую связь понятий, обусловленную происхождением от одного корня слов, их обозначающих, интуитивно улавливает А.С. Пушкин и использует, осложняя семантику слова *судьба* и его синонимов. Например, в письме Евгения к Татьяне:

«Всё решено: я в вашей воле

И предаюсь моей **судьбе**».

От ответа Татьяны зависит жизнь или смерть Евгения. В конце письма он, как раньше Татьяна, предоставляет ей право своим ответом распорядиться его последующей жизнью (а, быть может, и смертью): в

этом же письме он говорит о смерти «судьбой отсчитанные дни», «я знаю - век уж мой измерен».

Во время чтения этого письма Евгения возникают ассоциации с судом, когда Татьяна ассоциируется с судьёй, а её решение с приговором, который она вынесет Евгению.

Детальный семантический анализ показал, что слово «судьба» здесь имеет смысл: «*приговор, выносимый человеку, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь или даже смерть*». Этот смысл очень близок к одному из производных значений слова «судьба» в древнерусском языке «приговор, решение».

Ассоциативная связь понятий «судьба» и «суд» в «Евгении Онегине» выражается по-разному: слова *суд* и *судьба* постоянно употребляются в пределах одной строфы: «...*Судьба* и жизнь в свою черду всё подвергалось их *суду*» и др.); рядом со словом *судьба* нередко оказываются однокоренные слова, семантически тесно связанные с *судом*. Например, в романе говорится, что любить Онегина Татьяна «осуждена *судьбою* властной». В данном контексте сама судьба, как высшая сила, «осуждает» человека на любовь, образно выражаясь, выносит ему такой приговор. Ассоциативная связь понятий «судьба» и «суд», возникающая при чтении романа, может быть также обусловлена употреблением рассматриваемого слова в одном контексте со словами, связанными с «судом» по теме: «Нет нужды; прав *судьбы* закон...» (ассоциативная цепочка *закон – суд – судьба*).

В «Дубровском» связь *судьбы* и *суда* ещё более глубинна, отметим, что слово *суд* употреблено в романе 17 раз. Ассоциативная связь понятий (приводящая к семантической связи слов, их обозначающих) обуславливается самим содержанием романа, действие которого начинается с судебного процесса между Троекуровым и Дубровским-старшим, с процесса, итог которого решил судьбу отца Владимира и судьбу самого главного героя («Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного *назначения*» - *назначение* является контекстуальным синонимом судьбы и часто возникает в произведениях).

В «Капитанской дочке» целая глава называется «Суд».

Кроме контекстуальных и общеязыковых синонимов (и слов, им родственных или тематически близких), в ходе нашего анализа были выявлены и некоторые другие слова, которые в произведениях писателя имеют тесную семантическую связь с *судьбой* (например: *предчувствие, (вещий) сон, случай, обстоятельства и мн. другие* могут

быть рассмотрены как частные проявления действия сверхъестественной силы, судьбы).

Все они в творчестве А.С. Пушкина входят в обширное семантическое поле с ядром *судьба*; их выявление и семантический анализ позволит проникнуть в глубины художественного мира А.С. Пушкина.

В произведениях А.С. Пушкина часто встречаются перифразы, которые описательно называют и одновременно характеризуют базовое понятие «судьба». Средством перифразы поэт достигает разносторонней, углублённой оценки обозначаемого понятия, важной в контексте произведения для характеристики образов героев, выражения авторского мнения.

Интересно сравнить употребление перифразы «*воля неба*» в речи Татьяны Лариной и в авторской речи: «...То *воля неба*, я твоя. Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой. Я знаю - ты мне послан Богом, до гроба ты хранитель мой» - в авторской речи - «Быть может, *волею небес* Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес...». Татьяна говорит о своей любви очень серьёзно, она понимает своё чувство к Онегину как ниспосланный ей свыше дар, как «волю неба», судьбу. В речи автора же данная перифраза показывает ироническое отношение повествователя к жизни, тем более что словосочетание рифмуется здесь со словом *бес*.

В данной статье было показано лишь несколько примеров творческого использования А.С. Пушкиным семантических возможностей слова; намечены возможные пути дальнейшего исследования, которое, по сути, является изучением фрагмента языковой картины мира поэта, помогает осмыслить его мировоззрение и мировосприятие, открывает новые стороны в его творчестве.

Список литературы:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. - М., 1968.
2. Алекторова 1972: Алекторова Л.П. Об оттенках значений лексических синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. - Л., 1972. - С. 123-137.
3. Виноградов 1938: Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1. - М., 1938.
4. Виноградов 1963: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
5. Гвоздев 1955: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. - М., 1955.

6. Гречко 1986: Гречко В.А. Синонимика языка А.С. Пушкина и формирование национального русского языка. - Горький, 1986.
7. Евгеньева 1966: Евгеньева А.П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. - М.-Л.: Наука, 1966. - С. 4-29.
8. Ларин 1962: Ларин Б.А. Основные принципы словаря трилогии М. Горького// Словоупотребление и стиль Горького. – Л.: Изд. ЛГУ, 1962.- С. 3-11.
9. Ларин, Ковтун 1968: Принципы составления Словаря М. Горького// Инструкция Объяснительного Словаря автобиографической трилогии М. Горького// Словоупотребление и стиль М. Горького. – Л.: Изд. ЛГУ, 1968, с. 144-190.
10. Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 1. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2000.
11. Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 2. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006.
12. Пешковский 1930: Пешковский А.М. Принципы и приёмы стилистического анализа и оценки художественной прозы// Вопросы методики родного языка, лингвистики. – М.-Л., 1930.
13. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. - М., 1910-1914.
14. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 1-3.- М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
15. Словарь языка Пушкина. Т. 1- 4. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956-1961.
16. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.М. Бабкина, Е.Э. Биржакова, акад. В.В. Виноградова. – Т.14. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
17. Словарь русского языка / Академия наук СССР, институт русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. - Т. 1-4. – М.: издательство «Русский язык», 1981-1984.
18. Словарь синонимов русского языка в двух томах. Главный редактор А.П. Евгеньева. Т.1.- Л., 1970; Т.2.-Л., 1971.
19. Словарь синонимов: Справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. - Л., 1975.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1- 3. М., 1958.
21. Тынянов 1965: Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. - М., 1965.
22. Щерба 1974: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КОЛЕБАНИЯ

Долженкова Алена Игоревна

*канд. филол. наук, старший преподаватель Белгородский
государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
РФ, г. Белгород*

THE COMPONENT STRUCTURE OF COMMUNICATIVE- PRAGMATIC SITUATION FLUCTUATIONS

Alena Dolzhenkova

*candidate of Philological Sciences, senior lecturer
Belgorod state technological University. V.G. Shukhov,
Russia, Belgorod*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению компонентной структуры речевой ситуации колебания. Анализируются смысл колебания и составляющие коммуникативной ситуации колебания. Выявляется специфика компонентного состава данной ситуации. Основными методами анализа являются функциональный и описательный, применяемые для решения поставленных задач.

Abstract. The article is devoted to the component structures of the speech situation fluctuations. The meaning of oscillation and components of the communicative situation fluctuations are analyzed. Specifics of the component composition of a given situation are revealed. The main methods of analysis, such as functional and descriptive, are used for solving the tasks.

Ключевые слова: колебание; коммуникативно-прагматическая ситуация; субъект; адресат; мотивы; цель.

Keywords: oscillation; communicative-pragmatic situation; subject; destination; motives; purpose.

Каждый субъект, находящийся в процессе поиска какого-либо решения, подвержен состояниям колебания, сомнения, неуверенности. Данные операции ментального уровня помогают субъекту понять окружающую действительность, выразить свое отношение к ней,

оценить перспективы и результаты принятого субъектом решения проблемы.

Колебание универсально по своей сути, так как оно применяется по отношению к самым различным явлениям, процессам, действиям, состояниям, временным и пространственным координатам. Колебания посещают человека каждую минуту. Обстоятельств (событий), в которых разворачивается ситуация колебания, может быть бескрайнее множество (покупка товара, смена работы, вложение денег, сборы куда-либо и т.д.). Операция колебания относится к числу коммуникативно-прагматических ситуаций. Она развивается на основе событийных денотативных ситуаций, осложненных обстоятельствами общения и указанием на точку зрения говорящего.

Как и в любой ситуации общения, участниками ситуации колебания выступают говорящий или пишущий адресант и воспринимающий эту информацию адресат. Главным участником ситуации колебания является говорящий, поскольку в коммуникативном процессе именно говорящий так или иначе должен каким-то образом проявить себя, хотя бы как создатель своего высказывания [2, с. 62-65].

В ситуации колебания всегда имеет место «присутствие» авторской точки зрения на событие, при этом автор сам устанавливает свое отношение к высказываемому: - Кофе? Едва ли... Хотя... потом я выпью вина (А. Грин); Пусть даже небольшого и бывшего. Только я сомневаюсь сильно, что небольшого. А что бывшего... так ведь бывший и благородный у нас синонимы (А. Битов).

Говорящий стремится донести до слушающего свою позицию колебания, неуверенности, сомнения относительно квалифицируемого события: Вряд ли найдёт она жениха, всё равно достанется кому-нибудь так (А. Солженицын); Внуков бы он любил. А может быть, нет. Сейчас кажется, что любил бы (И. Грекова); – Потому что тебе, Витя, – сказала она, – вряд ли когда-нибудь будет хорошо (Ю. Трифонов).

Особенностью высказываний со значением колебания является не сам факт наличия позиции говорящего, а способ указания на этот факт. В данных высказываниях говорящий выражает свою оценочную позицию внеязыковыми средствами (жестами, мимикой и т.д.) и формальным способом – при помощи введения языкового средства, актуализирующего неуверенность говорящего в однозначном развитии ситуации: – Так-то оно так, да все как-то, знаешь, оно... – продолжал колебаться Алексей. – Что еще? (П. Мельников-Печерский); – Может быть, попробуем, – несмело сказал Сеня, – поискать в другой области? (М. Сергеев); Для того, чтобы предъявить людям такого кота,

достаточно владеть первыми основами чревовещания, а вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что искусство Коровьева шло значительно дальше этих основ (М. Булгаков).

Итак, говорящий, определяющий цель коммуникативного акта, стремится донести свою позицию колебания, неопределенности, сомнения до другого участника коммуникативного акта – адресата, являющегося лицом, от которого зависят уместность цели акта и успешность ее достижения в определенных условиях общения.

Адресат может быть рассмотрен с нескольких позиций: роль в общении, индивидуальные и социальные характеристики. О.Н. Гришина выделяет три типа адресатов в зависимости от роли в ситуации общения: а) непосредственный, к кому обращен отправитель информации; б) случайный, при обращении высказывания к другому лицу; в) опосредованный, кому предназначено сообщение, хотя отправитель формально обращается к другому лицу [1, с. 40-46].

Для ситуации колебания, в которой размышления субъекта направлены в основном на коммуниканта-партнера или опосредованное лицо, этот параметр оказывается наиболее значимым. Ср.: Тебе можно колебаться, задумываться, а у меня все должно быть последовательно и логично (Б. Пастернак); А он всё не мог решиться: идти или нет? (И. Грекова); Вероятно, вы с Николаем Николаевичем сделали что-нибудь не так, как нужно (А. Куприн).

При создании высказывания адресанту приходится учитывать разнообразные характеристики адресата: культурный и образовательный уровень, социальный статус, степень отношений между участниками общения и т.д. Все это влияет на выбор языковых средств и способов при построении сообщения, выбор манеры и стиля общения, так как при непонимании высказывания слушающим, говорящего постигнет коммуникативная неудача, при которой до собеседника не будет донесена позиция говорящего и общение, следовательно, будет несостоятельно.

В результате сказанного можно отметить, что адресат приобретает важное значение для ситуации колебания, ведь именно от него зависит удачность коммуникативного акта, правильность выбора языковых средств и способов при построении сообщения говорящим.

Таким образом, в высказываниях, выражающих колебание субъекта, представлены, с одной стороны, событийные ситуации, с другой стороны, авторское мнение, базирующееся на неуверенности правильности/неправильности трактовки события говорящим или адресатом: – Это к кому посетители? – раздался негромкий голос дежурного. – Ко мне будто, – отвечал Николай (В. Михайлов); Бывают

на свете Хорошие дети, Но вряд ли найдутся на нашей планете Такие, кто был бы прелестнее Пети... (К. Чуковский). Следовательно, колебание субъекта всегда чем-то мотивировано.

Немотивированного колебания не бывает, так как всегда имеются какие-то причины, диктующие невозможность на данный момент времени принятия однозначного решения субъектом. Такими причинами, на наш взгляд, могут являться: - неосведомленность субъекта относительно квалифицируемого события (Он все колебался, не зная, где Женя (Ю. Шилова)); -заинтересованность в том, чтобы быть правильно понятым (Можно надеяться? – Едва ли. Умрет девочка... (М. Шолохов)); - некомпетентность (– Да не знаю я, как это делается, что ж ты от меня хочешь? Ну, может быть, на токарном попробовать выточить... (Е. Челнышев)); - нерешительность как психологическая черта характера (Нет, нет, у меня всегда так. Не решаю сразу позвонить первой (Д. Донцова)); - категоричность в оценке события говорящим (Полжизни не заступило, а уж все, конец. Да почему ж на меня-то, а не иначе? Столько народу в мире... (В. Распутин)); - намеренное уклонение говорящего от категоричности изложения собственной позиции адресату по тому или иному вопросу (– Не знаю, не знаю... Не думаю, что стоит это делать... Но сам решай (Ф. Херберт)).

Таким образом, колебание – это реакция субъекта на объективную действительность. В основе появления колебания лежат событийные ситуации, определяющие мотивы, причины колебания, на которые накладывается субъективный фактор в виде мнения, точки зрения говорящего. Правильно выбранная форма подачи речевого сообщения позволяет говорящему достичь того коммуникативного эффекта, к которому он стремится. Так как реализация коммуникативного намерения возможна не одним способом, то говорящий делает свой выбор, опираясь на сложившиеся обстоятельства и руководствуясь конкретными причинами, побудившими к этому.

Список литературы:

1. Гришина О.Н. Уровни коммуникации и информационная структура высказывания: Коммуникативные единицы языка и принципы их описания // Сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 39-49.
2. Лекант, П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П. А. Лекант // Современный русский язык. Лингвистический сбор-ник. – Вып. 6. – М.: Изд. МОПИ, 1976. – С. 92-102.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соловьева Ольга Николаевна

*ассистент, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»,
РФ, г. Оренбург*

THE EVALUATIVE LEXICON: LEXICOGRAPHICAL ASPECT

Olga Solovyeva

*assistant, "Orenburg state pedagogical University",
Russia, Orenburg*

Аннотация. В статье представлено наше понимание термина «оценка», исследуется проблема лексикографического описания лексики с оценочным значением, рассматривается систематизация лексикографических помет в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Оренбургском областном словаре» Б. Моисеева, «Словаре русского языка» С.И. Ожегова.

Abstract. The article presents our understanding of the term "assessment", studies the problem of lexicographic description of the lexicon with the evaluation value, the systematization of lexicographical litter in the "Explanatory dictionary of the Russian language," D.N. Ushakova, "Orenburg regional dictionary" B. Moiseeva, "Dictionary of Russian language" S.I. Ozhegova.

Ключевые слова: оценка; оценочные слова; аксиология; лексикография; словарная помета.

Keywords: assessment; evaluation words; axiology; lexicography; dictionary of the litter.

Главной задачей языка является отражение объективной действительности. Передать и описать предметы и явления окружающего мира возможно только с учётом взаимодействия его (окружающего мира) с человеком, чья деятельность связана с оценкой.

Пик развития лингвистической аксиологии приходится на 80 – 90-е годы XX столетия. Категория оценки получила описание в исследованиях Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Е.М. Вольф, Н.А. Герасименко, Г.А. Золотовой, В.В. Леденёвой, П.А. Леканта, Т.В. Маркеловой, Л.А. Сергеевой, В.Н. Телия и др.

Категория оценки является объектом исследования разных разделов лингвистики. Следует отметить, что в различных источниках представлена разная интерпретация данного термина. Это объясняется тем, что оценка является предметом исследования и логики, и языкознания.

В «Словаре лингвистических терминов» понятие «оценка» рассматривается как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» [1, с. 305].

Н.В. Ильина дает следующее определение термину «оценка»: «Оценка – умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Найдя предмет или его свойство полезным, приятным, добрым, красивым и т.п., он совершает оценку» [2, с. 63].

Е.А. Чернявская, в отличие от Н.В. Ильиной, интерпретирует оценку как «языковую категорию, являющуюся отражением логической категории, мыслительных процессов, приводящих к установлению ценности всевозможных объектов» [8, с. 86].

С категорией ценности связывает оценку Л.А. Сергеева: «Оценкой можно считать лишь такое мнение о предмете, которое выражает характеристику последнего через отнесение его с категорией ценности» [6, с. 13].

Несмотря на многообразие определений оценки, мы не находим существенных противоречий в интерпретации данного термина; инвариантом можно признать некий умственный акт, мнение говорящего о предмете, положительная или отрицательная характеристика предмета или явления, которая дается на основе признаков данного предмета (или явления).

Мнение о предмете, человеке или явлении субъект речи (говорящий) выражает посредством оценочной лексики.

Словари отражают информацию о человеке, явлениях окружающей действительности, следовательно, для лексикографии характерен антропоцентризм. В современном русском языке лексика с оценочной семантикой представлена довольно широко. Оценочная лексика оказывает большое влияние на сознание современного

общества. Одной из первостепенных задач языка является системное, упорядоченное лексикографическое описание лексики с оценочным значением.

На сегодняшний день существует несколько словарей, которые описывают оценочную лексику. Например, словарь В.Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» (2001), в котором представлены нечленимые предложения с понятийной семантикой (*А как же! Какой разговор! Вот еще! Ну ты даешь! Черт побери* и т.п.), «Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей» Л.К. Байрамовой, в котором описывается оценочная фразеология (*Лучше нищий праведный, чем богач ябедный. Умный и без денег богат.*), «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складневской, описывающий современную оценочную лексику (*добровольно-принудительный, воротила, бабло, впаривать, лохануться*).

Как известно, в лексикографии дополнительная информация о слове передаётся с помощью словарных помет.

Словарная (лексикографическая) помета – это применяемый в лексикографических изданиях способ краткой грамматической, стилистической или иной характеристики слова, выраженный принятым сокращением соответствующего термина [3].

Рассмотрим, каким образом представлена система помет в некоторых словарях русского языка, обращая особое внимание на пометы, которые указывают на слова, имеющие значение оценки.

Большая часть лексики в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (под редакцией Л.И. Скворцова, 2007) стилистически нейтральна. Но многие слова по характеру и кругу своего употребления, по принадлежности к различным стилям речи не равноценны. При таких словах даются такие пометы, как *книжн.* (книжное), *высок.* (высокое), *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное), указывающие на стилистическую принадлежность слов; пометы *презр.* (презрительное), *неодобр.* (неодобрительное), *пренебр.* (пренебрежительное), *шутл.* (шутливое), *ирон.* (ироничное), *бран.* (бранное), *ласк.* (ласкательное) и др. означают, что в слове содержится та или иная эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого словом явления. Например:

ВОРОНА, -ы, ж. 1. Всеядная птица, серая с черным или черная, родственная ворону. *Белая ворона* (о человеке, чем-н. резко отличающимся от других, непохожем на окружающих; *неодобр.*). *Ворон считать* (перен.: ротозейничать). 2. перен. Зевака, ротозей (разг. *неодобр.*).

НЕГОДЯЙ, -я, м. (*презр.*). Подлый, низкий человек [5].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940 гг.) приводятся различные виды помет, в том числе пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов (*бран.*, *ирон.*, *неодобрит.*, *шутл.*, *презрит.*, *пренебр.*, *укор.*, *ласкат.*, *торж.*, *ритор.*, *эвф.*). Например:

КАЛАНЧА, каланчи, р. мн. каланчей, ж. (от араб. - крепость).

1. Сторожевая вышка пожарной части для наблюдений за возникающими пожарами. *Пожарная каланча*. 2. Дозорная башня в крепости или на сторожевом посту для наблюдений за передвижением врага (истор.). 3. перен. О человеке очень высокого роста (разг. *шутл.*). - *Ну и рост! экая каланча!*[7].

ЮБОЧКА, юбочки, ж. *Уменьш.-ласкат.* к юбка. || очень короткая юбка. *Детская юбочка*. *Шотландская юбочка* (одежда шотландских горцев, напоминающая очень короткую женскую юбку).

В Оренбургском областном словаре Б. Моисеева, помимо грамматических помет, представлены стилистические пометы. Стилистические пометы находятся при словах, имеющих какую-то эмоциональную (экспрессивную) окраску: *груб.*(грубое слово), *ирон.* (ироническое), *неодобр.* (неодобрительное), *пренебр.* (пренебрежительное), *презр.* (презрительное), *ругат.* (ругательное), *шутл.* (шутливое) и др. Например,

АЙДАШКА, и, ж. *Пренебр.* Девушка лёгкого поведения. *Есть такие айдашки, скажешь им «айда», и они пойдут, куда ты захочешь.*

БЕЗБАШИЙ, ая. *Неодобр.* Бестолковый, глупый. *Такой безбаший, не мог сообразить, что надо сделать.*

ВАСЮРКА, и, м. *Уменьш.-ласк.* Вася, Василий. *Найди Васюрку и домой приведи.*

КУНБАР, а, м. *Ругат.* Неповоротливый, нерасторопный человек. *Ах ты, кунбар такой* [4].

Итак, в рассматриваемых словарях существует свой арсенал помет, указывающий на оценочное значение слова. На оценочную семантику слов в лексикографических изданиях также указывают суффиксы субъективной оценки (*водичка*, *бабёшка*), употребление слов в переносном значении (*ворона*, *колхозник*); кроме того, элемент оценки заключается в самом значении слов (*красотка*, *красавец*, *хвастун*).

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 486 с.

2. Ильина Н.В. Структура и семантика оценочных конструкций. – М.: Русский язык, 1982. – 84 с.
3. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.
4. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 53 000 слов. – 24-е изд., М.: Оникс, 2007. – 1200 с.
6. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2004. – 316 с.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ГИС, 1935-1940.
8. Чернявская Е.А. К вопросу о семантике оценки и способам ее выражения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 2001. – 147 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам I международной заочной
научно-практической конференции*

№ 1 (1)
Ноябрь 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 03.12.16. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISBN - 978-5-00021-086-4

9 785000 210864